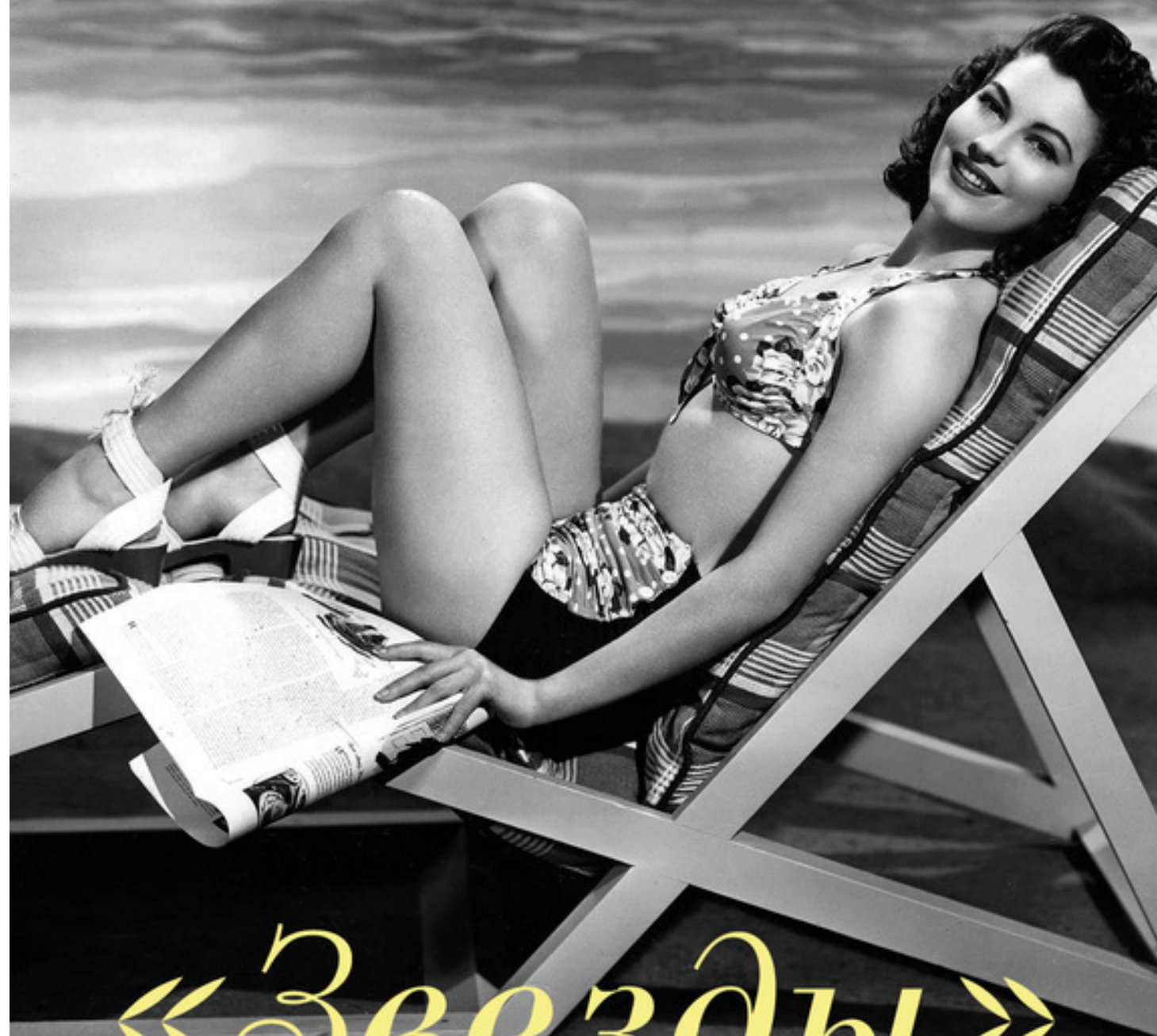

Виталий Вульф

Серафима ЧЕБОТАРЬ

*«Звезды»,
покорившие
миллионы сердец*

Великие «звезды» XX века

Виталий Вульф

**«Звезды», покорившие
миллионы сердец**

«Яуза»

2013

Вульф В. Я.

«Звезды», покорившие миллионы сердец / В. Я. Вульф — «Яуза»,
2013 — (Великие «звезды» XX века)

Удивительные женщины, которым поклоняется весь мир. «Звезды», покорившие миллионы сердец. «Железные леди», способные вершить историю и вести за собой целые народы. «Музы», вдохновлявшие гениев. Легендарные красавицы, о которых грезил каждый мужчина. «Иконы стиля» и властительницы дум. От Елизаветы Тюдор до Эвиты Перон, от Мата Хари до Эсте Лаудер, от Елены Блаватской до Айседоры Дункан, от Сары Бернар до Риты Хейворт – в этой книге собраны биографии незабываемых женщин, над которыми оказалось не властно само время! Это – прощальный дар знаменитого телеведущего, чья программа «Серебряный шар» стала целой эпохой в истории отечественного ТВ.

© Вульф В. Я., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Власть предрержание	5
Елизавета Тюдор	5
Королева Виктория	24
Жозефина Богарне	41
Елизавета Алексеевна	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Серафима Александровна Чеботарь «Звезды», покорившие миллионы сердец

Власть предержащие

Елизавета Тюдор

Елизавета I Тюдор с веером, портрет неизвестного, 1585 г

Королев в истории было много, но Елизавета Великая была одна. Правительница, не пожелавшая разделить бремя власти ни с одним мужчиной. Королева, принявшая страну, разоренную войнами и мятежами, и оставившая Англию сильнейшей мировой державой. Женщина, которой судьбой было откачено в любви, но которая, тем не менее, стала любима и благословляема миллионами...

В последнее время исследователи склонны считать, что образ королевы Елизаветы – Доброй королевы Бесс, Королевы-девственницы. Хранительницы Англии – был намеренно искажен поколениями английских историков, вылепивших из нее образ совершенной правительницы и идеал всех монарших добродетелей, дабы усовестить ее наследников – королей из династии Стюартов, правителей весьма слабых, предпочитавших думать не о благе страны, а о собственных удовольствиях. Позднее королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера Испанию, при ней произошел небывалый расцвет искусства и литературы: недаром Уильяма Шекспира, Кристофера Марло, Бена Джонсона и других называют «елизаветинцами». Лишенная недостатков, сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии.

И в то же время существует другой миф, развиваемый в первую очередь в литературе: Елизавета предстает вовсе не той «железной леди», которой ее рисуют историографы, а скорее женщиной, со всеми свойственными ее полу – по мнению писателей – проблемами и слабостями. Она то предстает жестокой завистницей, отправившей свою родственницу, королеву Марию Стюарт, на плаху только потому, что та была красивее и моложе, то изображается легкомысленной кокеткой, коллекционирующей разбитые мужские сердца, сделавшей флирт единственным способом общения с собственными придворными. Одни описывают ее страсть к нарядам, другие вспоминают про связь престарелой королевы и молодого красавца Эссекса.

Бесспорно, ее жизнь, полная самых драматических событий, неожиданных поворотов, неожиданных несчастий и непредсказуемых взлетов, не могла не привлечь к себе внимания историков, писателей и поэтов. Однако не стоит забывать, что на самом деле все было гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем могут описать гениальные романы или подробнейшие научные монографии.

Принцесса Елизавета, дочь английского короля Генриха Восьмого и его второй жены Анны Болейн, родилась седьмого сентября 1533 года в королевском дворце в Гринвиче. Однако ее рождение, вопреки ожиданиям, не вызвало бурной радости родителей: король хотел сына, и появление на свет еще одной дочери вместо долгожданного наследника его совершенно не обрадовало. В свое время он развелся со своей первой женой, Екатериной Арагонской, дочерью испанского короля и сестрой императора Священной Римской империи, из-за того, что она не дала королю наследников мужского пола – родившийся в 1522 году единственный сын Генрих не прожил и двух месяцев, и из всех многочисленных беременностей королевы в живых остался лишь один ребенок – дочь Мария. Получить развод даже для короля оказалось непросто: для этого Генриху пришлось порвать с католической церковью, основав англиканство, главой которого был он сам. в конце концов брак Екатериной был аннулирован: Екатерина на момент свадьбы с Генрихом была вдовой его старшего брата Артура, и хотя папа римский выдал официальное разрешение на брак, английский король все же – спустя двадцать лет – решил, что он не имел права жениться на столь близкой родственнице. Принцесса Мария автоматически стала незаконнорожденной.

Анна Болейн, мать Елизаветы I. Портрет кисти Вацлава Холлара.

В январе 1533 года Генрих втайне женился на своей давней возлюбленной Анне Болейн, которая на тот момент была беременна. По одной из легенд, придворный астролог предсказал Генриху, что первый ребенок от Анны станет великим правителем. Увы, к жестокому разочарованию короля, на свет появилась дочь – Елизавета, получившая свое имя в честь матери Генриха. Астролога приказали казнить; больше у Анны детей не было.

Невероятно разочарованный таким поворотом судьбы Генрих охладел к Анне, которую прежде страстно любил. Он стал заглядываться на ее фрейлину Джейн Сеймур, которая была полной противоположностью Анне: королева была страстной брюнеткой, любящей развлечения и наряды, ревливой и капризной, а Джейн – неизменно доброжелательной, тихой, спокойной, скромной и белокурой. Когда Елизавете было три года, после весьма предвзятого судебного следствия Анна Болейн была казнена по обвинению в государственной измене. Ее брак с королем был аннулирован, и Елизавета – как и ее сестра – тоже оказалась в положении незаконнорожденной.

На ее положение это мало повлияло: она по-прежнему жила в отведенном для нее дворце Хэтфилд-хаус в компании немногочисленных слуг. Хотя она и не имела официального статуса принцессы, ее образованием занимались лучшие учителя, приглашенные из Кембриджа: английская принцесса, хоть и не признанная официально, все же была завидным товаром на европейском брачном рынке, и ей полагалось достойное образование. С детства Елизавета про-

являла большие способности и еще большее усердие в изучении различных наук. К десяти годам она прекрасно говорила на французском, итальянском, греческом и латыни, знала философию, историю и литературу. Книги оставались ее верными спутниками на протяжении всей жизни. Кроме этого, принцесса прекрасно умела танцевать, музицировать, ездить верхом и рукодельничать.

Между тем в королевском дворце происходила одна драма за другой. Джейн Сеймур, ставшая третьей женой Генриха, родила ему долгожданного сына, названного Эдуардом, но сама скончалась через несколько дней. После ее смерти Генрих женился еще трижды: сначала на Анне Клевской, с которой развелся через несколько месяцев, а затем на кузине Анны Болейн Кэтрин Говард, которая разделила судьбу своей родственницы – она была казнена за измену. Историки считают, что казнь Кэтрин – молодой, жизнерадостной, доброй и очень красивой женщины – стала настоящим ударом для юной Елизаветы, успевшей привязаться к молодой мачехе.

Последней супругой Генриха стала в 1543 году Катерина Парр, успевшая к этому времени уже дважды овдоветь. Рассказывали, что она была влюблена в лорда-адмирала Томаса Сеймура – брата Джейн Сеймур, получившего благодаря родству весьма неплохое положение при дворе. Однако когда король стал проявлять недвусмысленный интерес к Катерине, она не посмела ему отказать. Леди

Екатерина стала прекрасной супругой для Генриха, заботливой, нежной, понимающей, и любящей мачехой для всех троих королевских детей: она настояла на том, чтобы принцесс принимали при дворе, и сама заботилась об их воспитании и образовании.

Генрих VIII, отец Елизаветы I. Портрет кисти Ганса Гобейна младшего, 1539–1540 г.

Король Генрих Восьмой скончался 28 января 1547 года. Согласно его завещанию, дочери были признаны наследницами престола вслед за своим братом Эдуардом, отныне королем Эдуардом Шестым. Таким образом, они были официально признаны отцом. Через несколько месяцев Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура и переехала в его поместье в Челси. Вместе с любимой мачехой поселилась и Елизавета.

Многие историки пишут, что Сеймур, авантюрист и честолюбец, имел виды на юную принцессу: одни считают, что Елизавета была влюблена в него, другие полагают, что он,

наоборот, домогался ее, да так грубо, что у девушки навсегда остался ужас перед сексуальными отношениями. Недаром она и в письмах к мачехе, и в беседах с другом детства Робертом Дадли еще тогда утверждала, что она не собирается ни выходить замуж, ни иметь детей. Но даже если Сеймур был и ни при чем, причин для такого решения у Елизаветы было предостаточно: ее мать и мачеха вышли замуж – и были казнены, еще одна мачеха умерла при родах. От родов скончалась и Катерина Парр – все это совершенно не вселяло в Елизавету надежду на счастливую жизнь под супружеским кровом.

Всего через несколько месяцев после смерти жены Томас Сеймур был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и вскоре казнен. В частности, ему инкриминировали намерение жениться на Елизавете и свергнуть с престола Эдуарда. На Елизавету, которая уже давно не жила в доме Сеймура, тоже пало подозрение в причастности, но она смогла доказать свою невиновность.

В 1551 году юный король Эдуард пригласил Елизавету ко двору: брат и сестра всегда с любовью относились друг к другу, и она была рада составить ему компанию, хотя и тосковала по вольной жизни вдали от двора с его интригами. Однако царствование Эдуарда было недолгим: в июле 1553 года он скончался от туберкулеза.

Интригами его родственников Сеймуров на престол была обманным путем возведена леди Джейн Грей – правнучка короля Генриха Седьмого. Но скоро англичане воспротивились столь явному нарушению закона: леди Джейн, оставшаяся в истории как «королева на девять дней», была низложена, и на английский престол, при полной поддержке народа, взошла Мария Тюдор. Елизавета была рядом с сестрой.

Ярая католичка, Мария Первая стала железной рукой уничтожать любые побеги протестантизма, в том числе притесняя и сторонников основанной ее отцом англиканской церкви. Репрессии и казни еретиков были столь многочисленны, что в историю Мария вошла с прозвищем Кровавая. Постепенно в стране росло недовольство ее религиозной политикой, а когда стало известно, что Мария собирается выйти замуж за испанского инфанта Филиппа, ревностного католика, от бывшей любви народа не осталось и следа. Елизавета, воспитанная в протестантском духе и верная англиканской церкви, естественно рассматривалась как единственная надежда на восстановление протестантского учения.

Портрет Филиппа II снетками, Алонсо Санчес Коэльо, 1573 г.

Поначалу отношения между сестрами были вполне равными; однако Елизавета не хотела переходить в католицизм, как на том настаивала Мария. Это можно понять: по мнению католической церкви, брак Генриха с ее матерью был незаконным, и следовательно Елизавета была незаконнорожденной. Юная принцесса старалась, как могла, ладить со своей венценосной сестрой – однако той слишком многие говорили, что Елизавета очень опасна. Мария долго

не верила: Елизавета казалась ей легкомысленной, не способной вмешаться в большую политику. Но разгоревшееся в начале 1554 года антипапистское восстание под предводительством Томаса Уайатта настолько напугало Марию, что она повелела заключить Елизавету в Тауэр. Несколько недель принцесса провела там, гадая о своей дальнейшей судьбе. Там же, в Тауэре, находился тогда и Роберт Дадли, друг детства Елизаветы: некоторые считают, что молодые люди виделись во время нечастых прогулок, и общая судьба стала началом их любви.

После недолгого разбирательства Томаса Уайатта казнили: перед смертью он поклялся, что Елизавета ничего не знала о заговоре. Хотя многие придворные настаивали на том, что Елизавету следует оставить в Тауэре, ее все же освободили: скоро предстояло бракосочетание Марии с Филиппом Испанским, будущим королем Испании, и королева перед этим событием решила проявить великодушие. Однако Елизавете не было позволено остаться при дворе: ее сослали в Вудсток под строгий надзор, и лишь через год разрешили вернуться в столь любимый ею Хэтфилд.

В апреле 1555 года Елизавету снова призвали ко двору:

Мария была на последнем сроке беременности, и присутствие ее сестры было необходимо: если Мария умрет при родах, Елизавета унаследует престол. Однако беременность оказалась ложной: с тех пор положение Елизаветы стало относительно устойчивым – на ее праве наследования настаивал даже Филипп Испанский. Рассказывают, что он весьма благоволил к свояченице: девушка была молода, красива, обаятельна и здорова, в то время как Мария, на одиннадцать лет старше Филиппа, не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Филипп строил планы замужества Елизаветы, а едва овдовев, и сам предложил ей руку и сердце.

Мария скончалась 17 ноября 1558 года. Хронисты сообщают, что Елизавета, узнав о смерти сестры, сказала: «Так решил Господь. Чудны дела его в наших глазах».

Елизавета стала королевой в двадцать пять лет – впрочем, выглядела она гораздо моложе: в то время как многие ее сверстницы, изнуренные постоянными беременностями, преждевременно старели, незамужняя Елизавета, чьими любимыми развлечениями были танцы и охота, заметно выделялась свежестью и здоровьем. Она короновалась 15 января 1559 года в Вестминстерском аббатстве – собор окружали восторженные толпы, видевшие в Елизавете спасительницу страны.

Елизавета наградила всех, кто был рядом с нею в последние годы: в частности, Роберт Дадли получил место конюшего, а Томас Пэрри, много лет заведовавший казной Елизаветы, стал казначеем двора. Государственным секретарем Елизавета назначила Уильяма Сесила, который начинал свою карьеру еще при Эдуарде: выбор был на удивление удачен: Сесил, обладавший бесспорным талантом дипломата и государственного деятеля, верой и правдой служил королеве до самой своей смерти – почти сорок лет. Именно его мудрости, прозорливости и преданности обязана Елизавета многими своими достижениями.

Страна досталась Елизавете в плачевном состоянии: казна пуста, религиозные распри разъедали Англию изнутри, а постоянные войны – снаружи. При Марии Англия стала почти придатком Испании, и теперь надо было не только наладить разрушенную экономику страны, но и укрепить престиж Англии на мировой арене. Время показало, что со всем этим Елизавета – с помощью своих советников – блестяще справилась.

Мария Тюдор (Мария Кровавая или Кровавая Мэри, ант. Bloody Mary), 1554 г.

Первым делом молодая королева решила религиозную проблему: она не стала преследовать или как-то ограничивать права католиков, но, тем не менее, снова ввела англиканство как государственную религию. Историки до сих пор спорят, насколько искренней и глубокой была вера Елизаветы, однако все сходится на том, что она была весьма прагматичной даже в вопросах веры.

С первых дней царствования самым главным вопросом было замужество королевы: парламент даже официально просил ее как можно скорее избрать себе супруга, дабы обеспечить наследника. В разное время руки Елизаветы домогались Филипп Испанский и эрцгерцог Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик, герцог Анжуйский и даже русский царь Иван Грозный. Хотя Елизавета не раз говорила, что она не собирается выходить замуж, она, тем не менее, не давала сватавшимся монархам решительного отказа: ее своеобразный флирт с ними был немаловажной частью внешней политики Англии.

Однако придворные поговаривали, что истинной причиной переборчивости Елизаветы был тот факт, что она была уже давно влюблена – в того самого Роберта Дадли, который делил с нею заключение в Тауэре: отец Роберта, герцог Нортумберленд, был главой заговора, приведшего на трон Джейн Грей, бывшую замужем за братом Роберта – Гилфордом Дадли. Гилфорд и его отец были казнены, однако стараниями Филиппа Испанского братья Гилфорда были освобождены – вместо Тауэра они оказались на войне с Францией. Позже Дадли, молодой красавец и шеголь, лишь на несколько месяцев старше Елизаветы, был одним из тех, кто скрашивал одиночество принцессы в Хэтфилд-хаусе, а теперь, когда она стала королевой, он получил не только место конюшего, но и орден Подвязки и должность смотрителя королевской резиденции в Виндзоре, не считая множества роскошных подарков.

Елизавета так любила проводить время с Дадли, что совершенно забывала об осторожности: она сажала его рядом с собой, разговаривала, ездила вдвоем на прогулки, в беседах с другими неизменно превозносила его достоинства. По Лондону поползли слухи, что Дадли нередко проводит ночи в королевской опочивальне и что королева даже родила от него сына – однако сама Елизавета была искренне удивлена подобными сплетнями: она круглые сутки была окружена фрейлинами, и может дать клятву, что у нее никогда не было с Дадли ничего предосудительного. Королеве приходилось беречь свою честь: любое пятно на ее репутации могло поставить под удар и ее будущее как королевы, и всю страну.

Между тем слухи продолжали множиться: утверждали, что Дадли собирается жениться на королеве, и его не остановит даже тот факт, что у него уже была жена: несколько лет назад Дадли женился – по всей видимости, по страстной любви – на юной Эми Робсарт, и хотя Эми никогда так и не была представлена ко двору, скрывать факт своей женитьбы Роберт не мог.

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт нашли мертвой: она лежала у подножия лестницы со сломанной шеей. Сразу же стали говорить о том, что Дадли убил свою жену, чтобы иметь возможность вступить в брак с королевой.

Роберт Дадли, 1 – й граф Лестер

Елизавета немедленно отдала его от себя и повелела тщательно расследовать обстоятельства гибели Эми Робсарт: хотя расследование показало, что смерть Эми произошла в результате несчастного случая – Эми была давно больна (современные исследователи говорят о раке), и в частности страдала головокружениями и хрупкостью костей, – это не остановило сплетников, обвиняющих Да дли в гибели жены. Из-за этой трагической истории королева отдала от себя бывшего фаворита и даже отказалась подписывать грамоту на вроде бы обещанный ему титул графа. Однако через два года, когда Елизавета заболела оспой, она назвала Роберта Дадли в качестве лорда-протектора королевства, хотя по статусу эта должность должна

была достаться другому. Титул графа Лестера Дадли получил лишь в 1564 году; фаворитом Елизаветы он оставался еще почти три десятка лет.

Перенесенная оспа лишь слегка испортила кожу на лице Елизаветы, прежде безупречно гладкую и белую. Но хотя оспины пришлось прятать под толстым слоем грима, льстецы продолжали наперебой уверять королеву в том, что она прекраснейшая из женщин, а придворные джентльмены поголовно были демонстративно влюблены в свою королеву.

Говорят, Елизавета умело этим пользовалась: чтобы сэкономить деньги, которых всегда не хватало, она с удовольствием перекладывала часть расходов на своих приближенных, которые из любезности оплачивали ее платья, украшения и лошадей. Вместе со своим двором Елизавета много путешествовала, и не только потому, что любила ездить по стране, – останавливаясь в жилищах состоятельных вельмож, она сильно экономила на расходах.

Елизавета, женщина молодая и слишком много испытавшая, любила развлечения: балы, охоту, разнообразные игры – карты, шахматы, бильярд, театр и музыку. Много времени королева уделяла верховой езде, прогулкам и чтению. Хотя может показаться, что блеск ее двора должен был стоить огромных денег, на деле она тратила намного меньше, чем ее предшественники и наследники: с одной стороны, она была вынуждена экономить – казна была пуста, зато долги огромны, а с другой, – прагматизм и бережливость всегда были в ее характере. Даже роскошные платья, в которых она предстает на своих портретах, нередко переделывались, экономя таким образом немалые деньги.

Несмотря на постоянный флирт, замуж Елизавета так и не вышла. Почему – на этот вопрос историки до сих пор не могут дать однозначного ответа. Одни считают, что она не хотела делить власть с посторонним человеком – ведь если она выйдет замуж, главой семьи и государства станет ее супруг. Другие полагают, что Елизавета имела какой-то анатомический изъян, не позволявший ей стать достойной женой: либо она знала о своем бесплодии, либо вообще по каким-то причинам не могла вступить в интимные отношения – возможно, в этом были виноваты и психическая травма, нанесенная Томасом Сеймуром, и обстоятельства ее детства. Кроме того, Елизавете было категорически невыгодно иметь наследника: пока она остается единственной претенденткой на престол, она может не опасаться возможных переворотов, но стоит ей обзавестись ребенком или хотя бы супругом – и никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь не захочет сменить монарха.

Со временем при английском дворе развился настоящий культ королевы-девственницы: Елизавету сравнивали с Девой Марией и языческими богинями, поэты воспевали ее в образах Глорианы и Королевы фей, портреты королевы наполнялись символами ее девственности: она изображалась, например, с решетом, или лилией. Даже столь любимый Елизаветой жемчуг, который она носила в изобилии, тоже ведь был символом чистоты и непорочности. Известно, что Елизавета в ответ на уговоры выйти замуж говорила, что с нее будет довольно, если на ее могиле напишут, что она «жила и умерла девственницей». А одному из придворных она сказала, что «лучше быть незамужней нищенкой, чем замужней королевой».

Наиболее вероятной наследницей английской короны была небезызвестная Мария Стюарт, шотландская королева: она была внучкой Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха Восьмого, и хотя линия Стюартов не была упомянута в завещании Генриха Восьмого, фактически была не последней в очереди наследников. К тому же ее права – как истинной католички, представительницы католического рода, – поддерживал Рим. Корону Шотландии она унаследовала, когда ей было всего несколько дней от роду, и страной от ее имени управляла королева-мать Мария де Гиз. Еще в раннем детстве Марию предполагалось выдать замуж за английского принца Эдуарда, однако в возрасте пяти лет она была просватана за Франциска, сына французского короля, и с тех пор воспитывалась при французском дворе. Советники убеждали ее в том, что именно у нее наиболее веское право на английскую корону – Мария даже включила английский герб в свой личный, и титуловалась как королева французская, шотландская,

английская и ирландская. После внезапной смерти ее супруга, тогда короля Франциска Второго, она вернулась в Шотландию. На руку овдовевшей королевы немедленно нашлось множество претендентов – сама Елизавета предлагала ей в мужа Роберта Дадли, получившего графский титул именно по этому поводу. Однако Мария вышла за молодого, смазливового и весьма недалекого Генри Дарнли, ставшего отцом ее сына – будущего короля Якова. Однако супруги не ладили; всего через полгода Дарнли погиб при загадочных обстоятельствах, и Мария считалась одной из вероятнейших его убийц – особенно учитывая тот факт, что уже через три месяца она вышла замуж за лорда Ботвелла. Все эти события вызвали восстание в стране, в результате которого 24 июля 1567 года Мария Стюарт отреклась от престола в пользу своего сына. Она сбежала в Англию, где попросила убежища у Елизаветы.

Елизавета не была готова ни восстанавливать Марию на престоле, ни оказывать ей какую-либо помощь: Мария по-прежнему считала именно себя законной королевой Англии. Так что у Елизаветы было достаточно причин не любить Марию, помимо простой женской ревности, о которой так любят говорить писатели. По совету лорда Сесила, Марию поселили в замке Карлейл (откуда ее позднее перевели в Шеффилд, где она провела почти восемнадцать лет), давали весьма щедрое содержание, но не допускали ко двору, да и вообще никуда не выпускали.

Между тем появление Марии в Англии спровоцировало целую серию католических заговоров. Поначалу Елизавета не верила в причастность к ним Марии – или не хотела верить – но в конце концов (не без участия провокаторов) были получены неопровержимые доказательства того, что Мария замышляла убить Елизавету. Хотя английской королеве категорически не хотелось подписывать смертный приговор Марии – это было бы слишком зловещим прецедентом, – ей все же пришлось. Восьмого февраля 1587 года Мария была казнена.

Эта казнь обострила отношения Англии с Испанией, и без того весьма натянутые. Елизавета много сделала для развития английского флота: именно при ней Англия стала великой морской державой. Но раньше моря всецело принадлежали Испании – испанские корабли регулярно курсировали в Новый Свет и обратно, привозя в Испанию тонны золота и других ценных грузов. Английские пираты – знаменитые братья Хоукинсы, прославленный Френсис Дрейк и другие – регулярно грабили испанские корабли: Елизавета не только знала об этом, но и имела с этого неплохой доход. Официально «пиратских войн» словно и не существовало, однако на самом деле они изрядно трепали нервы испанской короне. Постепенно Англия завоевывала авторитет на море и даже утверждалась в Новом Свете, ранее безраздельно принадлежавшем Испании: в 1587 году была основана первая английская колония, получившая в честь Елизаветы имя Вирджиния – «девственная». В ответ испанцы поддерживали католические волнения в Ирландии и вынашивали планы нападения на Англию. Однако им не суждено было сбыться – как известно, подготовленная для битвы Великая армада была разбросана штормом, а ее остатки добил в гравелинском сражении Френсис Дрейк. За это Дрейк был произведен королевой в рыцари.

Говорят, Френсис Дрейк весьма заинтересовал пожилую королеву, и между ними даже началось что-то вроде романа – весьма, правда, непродолжительного. Королева оставалась верна своему Дадли – их долгой связи не помешала даже тайная женитьба Дадли в 1578 году на Летиции Ноллис, родственнице и фрейлине королевы, весьма похожей на Елизавету внешне: поначалу королева разгневалась, однако потом простила Дадли. Летиции же пришлось еще долго находиться вдали от двора, скрываясь от королевского гнева. Дадли скончался от лихорадки в сентябре 1588 года. За четыре дня до смерти он написал Елизавете письмо, справляясь о её здоровье – «самом дорогом для него». Уже после смерти Елизаветы это послание было обнаружено среди ее бумаг с ее собственноручной пометкой: «Его последнее письмо».

Гравюра Елизаветы I, Криспена де Пасса, опубликована в 1603 году

Елизавета I, «Портрет Дитчли», ок. 1592 г Маркус Гираэрт Младший

Стареющая королева оставалась все той же кокеткой, которой была в юности, – с поправкой на власть и возраст. Если раньше она принимала лесть, теперь она ее требовала, если раньше она соперничала с придворными красавицами – теперь во фрейлины набирали лишь некрасивых дам, и платья им разрешалось носить только простые белые или серебристые – в то время как сама Елизавета ходила в богато разукрашенных нарядах всех цветов радуги. Ее прежняя бережливость переросла в скупость, а осторожность – в бездействие. Тем не менее королева сохраняла ясный и острый ум, работоспособность и прежние привычки. Вместо умершего Роберта Дадли королева стала отличать его пасынка, сына Петиции Ноллис от первого брака, Роберта Девере, графа Эссекса, женатого, кстати, на вдове знаменитого поэта Филиппа Сидни. Молодой красавец – а ему было всего 23 года, когда королеве уже исполнилось 55

лет, – был представлен ко двору еще Дадли, и Елизавета почти сразу обратила на него внимание. Храбрый и в то же время весьма романтичный юноша совершал подвиги во имя своей королевы и осыпал ее изысканными комплиментами. Уже скоро она вела себя с ним так же вольно, как когда-то с любимым Дадли – однако Эссекс вовсе не был столь терпелив, как его отчим. После нескольких лет в положении королевского фаворита начал зарываться: он стал несдержан, требователен и к тому же позволял себе повышать голос на королеву. Он совершал одну ошибку за другой: сначала чуть не упустил испанский флот, против которого должен был выступить, а летом 1599 года – несмотря на огромную армию – не смог подавить восстание в Ирландии, да к тому же бросил войско без разрешения. Разгневанная Елизавета отдала любимца под суд, отлучила от двора и лишила многих привилегий. Несмотря на покаянные письма, Елизавета не простила Эссекса.

Тогда он оказался во главе заговора, намеревавшегося захватить Лондон и свергнуть Елизавету. Однако все кончилось фарсом: обещанного оружия не было, мятежники разбежались, а Эссекс, вернувшийся в собственный дом, был арестован и предстал перед судом. Эссекс признал себя виновным в измене: он назвал себя «самым большим, самым подлым и самым неблагодарным предателем из всех, когда-либо живших на земле». Ему отрубили голову 25 февраля 1601 года.

По одной из легенд, королева была готова простить его – она лишь ожидала, что Эссекс пришлет ей перстень, который она когда-то даровала ему в знак любви. Однако перстень перехватили, и Эссекс был казнен.

Френсис Дрейк, картина Маркуса Жерара младшего, 1590 г. или старше

Роберт Девере, 2-й граф Эссекс

Королева очень тяжело перенесла и предательство Эссекса, и его казнь. Она так и не оправилась от этой потери: ее здоровье резко ухудшилось, и к тому же у нее начались приступы душевного расстройства, во время которых она лишь плакала и звала Эссекса. Она понимала, что ее дни сочтены – в упрек придворным, почти переставшим считаться с нею, она повторяла: «Мертва, но еще не погребена!» В своей последней речи, которую она произнесла перед парламентом в октябре 1601 года, она сказала: «На том месте, что я сейчас занимаю, никогда не

появится тот, кто более предан стране и ее гражданам, чем я, кто с такой же готовностью отдаст жизнь за ее безопасность и процветание. Жизнь и царствование имеют для меня цену только до тех пор, пока я служу благу народа».

В последние годы положение страны резко ухудшилось: череда неурожаев подорвала экономику, военные расходы опустошили казну, налоги выросли, и вместе с ними росло недовольство старой королевой. В последние месяцы она уже едва держалась на ногах – однако отказывалась лечь, уверенная, что именно в постели ее настигнет смерть. Она скончалась рано утром 24 апреля, успев перед смертью назвать имя своего наследника – Якова Стюарта, короля Шотландии, сына Марии Стюарт.

Гроб с телом королевы проплыл на освещенной факелами барже до Уайтхолла, а 28 апреля доставлен в Вестминстерское аббатство. По словам летописца Джона Стоу, «Вестминстер был переполнен: множество людей на улицах, в домах, окнах, на крышах и даже на водосточных трубах, которые пришли, чтобы увидеть погребение, и когда они увидели ее изваяние, лежащее на крышке гроба, они испустили такой вздох, и стон, и плач, которого никогда не было раньше в памяти человека».

Королева Виктория

Бабушка Европы

Ее имя стало символом целой эпохи – викторианского века, который до сих пор рассматривается в английской истории как время счастливой стабильности и процветания. За шестьдесят четыре года своего царствования – самый длинный срок правления за всю историю европейских монархий – королева Виктория и сама стала живой эмблемой своего времени и своих принципов: честности, успеха, порядочности и величия.

Во времена королевы Виктории Великобритания достигла невиданного расцвета, зенита своего могущества. При ней границы империи расширились, а роль Великобритании в мировой политике стала главенствующей. Но главной заслугой королевы Виктории все же считают то, что она подняла престиж английской королевской семьи на небывалую высоту, стряхнув со своей короны всю грязь, налипшую за последние два столетия.

Виктории не повезло с родственниками. Немецкая по происхождению Ганноверская династия прославилась своими многочисленными пороками – чревоугодием, распутством,

мотовством, а дед Виктории Георг III и вовсе закончил свои дни в безумии. Из его тринадцати доживших до совершеннолетия детей практически все отличались либо хронической глупостью, либо распутством, либо транжирством, а то и всем букетом пороков разом, а из шести десятков внуков короля Георга лишь пятая часть были законнорожденными. У его старшего сына, принца-регента и будущего короля Георга IV, была единственная дочь, скончавшаяся при родах в декабре 1817 года, и на этот момент ни у одного из шести его братьев не было законных детей. Чтобы спасти вымирающую династию, три еще не женатых принца – Вильгельм, герцог Кларенс (будущий король Вильгельм IV), Эдвард Кентский и Адольф, герцог Кембриджский, срочно обзавелись супругами.

Эдвард Кентский женился на Виктории Саксен-Кобургской, вдове принца Лейнингенского. У нее уже было двое детей, так что Эдвард мог быть спокоен относительно ее способности родить ему будущего наследника английского престола. Их единственная дочь родилась 25 мая 1819 года в Кенсингтонском дворце – родители специально приехали в Лондон из Баварии, дабы ни у кого впоследствии не возникло сомнений в истинно английском происхождении их ребенка.

Девочке хотели дать длинное имя, почтив таким образом почти всех родственников: Джорджина (в честь принца-регента) Виктория (в честь матери) Александрина (в честь русского императора Александра I, с которым после победы над Наполеоном Англия поддерживала дружеские отношения) Шарлотта Августа (в честь сестер отца). Однако регент, который по традиции был крестным отцом и руководителем церемонии, не позволил назвать ребенка Джорджиной – и разрешил лишь два имени: Александрина и Виктория, с тем условием, чтобы «имя матери шло после имени императора». Первые несколько лет жизни девочку звали уменьшительным именем Дрина.

Уже через два года, когда умерла последняя из законных дочерей герцога Кларенса, стало ясно, что Александрине Виктории предстоит унаследовать трон. Увы, ее отец не дожил до этого момента – он умер, когда Виктории было всего восемь месяцев, оставив жене в наследство одни долги.

Уильям Бичи. Эдвард, герцог Кентский

Детство будущей королевы было совсем не королевским: в доме царила строжайшая экономия, так что у девочки не было игрушек, пища была очень простая, а новое платье она получала лишь тогда, когда полностью износится старое, – даже став королевой, Виктория была уверена, что все дамы, без конца меняющие туалеты, безнравственные мотовки. Рассказывают, что когда Виктория совершила свой первый визит во Францию, ее наряды были куплены у лавочника в Кале, в то время как французская императрица Евгения щеголяла в туалетах от Чарльза Ворта – англичанина, перебравшегося в Париж из-за недостатка клиенток.

Воспитанием Виктории занималась мать, герцогиня Кентская, и ее секретарь и фаворит сэр Джон Конрой. Выработанная ими система получила название «кенсингтонской»: согласно ей юная принцесса должна была круглосуточно находиться под полным контролем. Она спала в комнате матери, ей запрещалось общаться с посторонними, бездельничать, читать романы и развлекаться. Лишняя конфета или ложка супа были непозволительной роскошью, а вся жизнь текла по строжайшему, не подлежащему изменению распорядку. Большую часть времени занимали уроки: языки – Виктория занималась латынью, греческим, немецким, французским и итальянским, арифметика, история, география, музыка, рисование, танцы, верховая езда.

Герцогиня и Конрой делали все возможное, чтобы обеспечить свое безграничное влияние на будущую королеву, и в результате Виктория росла очень одинокой, зависимой от чужого мнения и оторванной от реального мира. Кроме матери и Конроя, Виктория общалась лишь с дядей – бельгийским королем Леопольдом, заменившим ей отца, – и с немкой-гувернанткой Луизой Лецен, дамой весьма строгой и суровой, но сумевшей вызвать искреннюю любовь принцессы. Лецен приучала Викторию к сдержанности чувств и верности долгу, самодисциплине и добросовестности – то есть привила ей все те качества, которые потом обеспечили Виктории успех ее правления. О том, что ей предстоит стать королевой, Виктория узнала лишь в 12 лет – и по легенде, сказала лишь: «Я буду хорошей».

Она унаследовала трон после смерти своего дяди, Вильгельма VI, 20 июня 1837 года, когда ей было всего восемнадцать лет. В этот день она записала в дневнике, что неопытность в государственных делах не мешает ей проявлять твердость в принятии решений.

Великобритания уже давно нуждалась в твердой руке – три последних короля в силу душевного нездоровья, слабого характера или преклонного возраста не могли в должной мере управлять страной, и состояние монархии было весьма шатким. Даже коронация была организована из рук вон плохо: никто не знал, что ему делать, все перепуталось, а кольцо – символ королевской власти – оказалось слишком маленьким для будущей королевы, так что архиепископ Кентерберийский едва смог натянуть его на палец Виктории. Юная королева лишь спрашивала: «Умоляю, скажите мне, что я должна делать?»

Однако уже скоро всем стало ясно, что королева прекрасно знает, что ей нужно делать. «Я очень молода, но если не во всех, то во многих делах я отнюдь не могу считать себя несведущей», – написала она своему дяде в первые дни правления. Первым делом она избавилась от надоевшей опеки матери и Конроя, которого давно возненавидела. Она вполне справедливо считала, что отныне она отвечает не только за себя, но и за всю страну, и вмешательство посторонних в государственные дела – пусть даже это ее ближайшие родственники, просто недопустимо.

Виктория не была ни великим политиком, ни сильной личностью. Ее способности и образование были весьма средними, но зато она прекрасно умела находить людей, которые наилучшим образом могли помочь ей в управлении государством, чьи советы были полезными, а верность Англии – несомненной.

Герцогиня Кентская с дочерью, 1834 г.

Генри Уильям Пикерсгилл. Сэр Джон Конрой

Ее собственные качества – сдержанность эмоций, прагматизм, высокие моральные принципы и преданность интересам государства, служили образцом для всех британцев. К своей стране Виктория относилась как к дому, где она была рачительной хозяйкой, а к подданным – как к семье, для которой она стала любящей матерью. Частые поездки по стране не только позволили хорошо узнать жизнь своих подданных, но и обеспечили ей популярность в народе, а ее безупречный образ жизни и личное обаяние сделали королеву любимицей страны.

Ее новым наставником в государственных делах стал премьер-министр страны лорд Уильям Мельбурн, который не только помог юной королеве освоиться на троне, но и стал ее ближайшим другом. В английской литературе их отношения нередко характеризуются как «романтическая дружба», и почти никто не сомневается, что лорд Мельбурн был первой любовью молодой королевы. Его влияние на Викторию было почти безраздельным – до тех пор, пока она не встретила своего будущего мужа, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Брак королевы – дело первостепенной важности для всей страны, и сама Виктория понимала это лучше всех. Правда, в первые годы своего правления она не слишком старалась найти себе спутника жизни – избавившись от надоевшей опеки матери, она спешила насладиться всеми теми удовольствиями, которых была лишена в детстве, и не торопилась связывать себя семейными узами. Однако ко двору нередко приезжали иностранные принцы, и Виктория не отказывала себе в удовольствии пофлиртовать с ними. Не будучи явной красавицей, Виктория все же была необыкновенно мила, а ее царственные манеры, спокойствие, достоинство и огромное обаяние делали ее весьма привлекательной женщиной. Этому не мешала даже ее всегдашняя склонность к полноте – правда, в молодости Виктории удавалось весьма успешно с нею справляться, – и невысокий рост. «Мы, однако, довольно не высоки для королевы», – с иронией писала она в дневнике.

В 1839 году Виктория влюбилась в наследника русского престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II, который был в Лондоне на торжествах в честь двадцатилетия королевы, – статный красавец в белоснежном мундире прекрасно танцевал и вообще показал себя настоящим джентльменом. Правда, из этого ничего не вышло. Сам цесаревич записал в дневнике, что королева «очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает», его отец в ответ на сообщение о нежных чувствах королевы отрезал: «Россия нуждается в будущем царе, а не в муже английской королевы», а лорд Мельбурн сказал Виктории, что «о русских лучше забыть».

По мнению короля Леопольда, лучшей партией для Виктории был бы его племянник (и двоюродный брат Виктории) принц Альберт Саксен-Кобург-Готский: по его мнению, они были связаны самой судьбой – даже на свет их принимала одна и та же повитуха. Леопольд уже давно вынашивал план поженить их и даже устроил в 1836 году визит Альберта и его брата Эрнеста в Лондон. Правда, тогда Альберт Виктории совершенно не понравился: он был слишком худым, очень застенчивым и весьма занудным. В письмах к дяде Виктория называла его «инвалидом» и «деликатным желудком». Он тоже был не в восторге от Виктории, которая была слишком пухлой, и к тому же очень стеснялась в обществе своих кузенов. Леопольду стоило немалого труда уговорить Альберта снова навестить свою кузину – тот согласился лишь для того, чтобы дядя навсегда отказался от своих планов. Виктория, в свою очередь, тоже заявила, что «не имеет особого желания встречаться с Альбертом, поскольку вся эта тема (замужества) вообще ей противна».

Однако в октябре 1839 года Альберт снова прибыл в Лондон. Виктория встретила его на ступенях своего дворца – и, по собственному признанию, тут же влюбилась. За прошедшие годы Альберт превратился в очень красивого мужчину, раскованного, обаятельного и полного талантов: он прекрасно разбирался в технике, ездил верхом, знал и любил музыку, искусство и историю, обладал энциклопедическими знаниями по всем вопросам. В дневнике Виктория записала: «Встреча с Альбертом всколыхнула мои чувства. Как он красив! Его губы завораживают, у него такие симпатичные усики и бакенбарды!»

Виктория была уверена, что он будет ей прекрасным мужем, но она не могла дожидаться, пока Альберт сам решится сделать ей предложение. На балу она протянула ему розу, и Альберт, не найдя, куда деть цветок, проколол перочинным ножом дырку во фраке напротив сердца и воткнул туда розу. Виктория восприняла это как знак его чувств к ней – и на следующий же день сама сделала ему предложение: «Спустя несколько минут я сказала, – записала в дневнике

королева, – что он, должно быть, догадывается, зачем я его позвала – и что я была бы очень счастлива, если бы он уступил этому моему желанию (жениться на мне)». Альберт ответил: «Я недостойн Вас... Я буду счастлив провести рядом с Вами всю жизнь!»

Венчание Виктории и Альберта состоялось 10 февраля 1840 года. Виктория была в белом атласном платье, сшитом – из патриотических соображений – только из английских тканей, с венком из флердоранжа на голове. С тех самых пор свадебные платья, которые ранее могли быть практически любого цвета, надолго стали исключительно белыми.

Коронация Виктории. По картине Ф.К. Винтерхальтера

Свадебная фотография Виктории и Альберта

Несмотря на все плохие ожидания и пророчества недоброжелателей, брак Виктории и Альберта был идеальным – никаких измен, скандалов или даже слухов. Виктория всю жизнь страстно и преданно любила Альберта – в отличие от ее подданных, считавших, что он женился на королеве исключительно из корыстных побуждений. К тому же его немецкое происхождение, характер и воспитание делали его не самым привлекательным для англичан, уставших за двести лет от немецких правителей и их дурных привычек. Виктории пришлось выдержать целую войну с парламентом, который, как она считала, не ценил Альберта по достоинству, и все же титула принца-консорта (то есть супруга) ему пришлось ждать семнадцать лет – парламент подписал соответствующий акт лишь в 1857 году. Другую войну, хотя и гораздо более мирную, ей пришлось выдержать с самим Альбертом. Поначалу она решительно отказывалась

впускать его в свои дела – лишь недавно обретшая независимость, Виктория панически боялась снова попасть под чье-то влияние. Хотя в первый же день супружеской жизни в кабинете королевы был поставлен письменный стол для Альберта, его реальные обязанности прекрасно определялись известной фразой самой Виктории: «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает». Но постепенно он смог добиться не только любви, но и уважения своей супруги, которая стала прислушиваться к его мнению, а затем и советоваться с ним по всем вопросам. Мнение Альберта стало для нее решающим, под его влиянием она довольно быстро превратилась из легкомысленной, легко поддающейся влиянию девушки в серьезную, рассудительную, весьма прагматичную правительницу, которая не только имела власть, но и могла правильно ее использовать. Именно Альберт привил королеве любовь к техническим новинкам, особенно к езде по железным дорогам, что подтолкнуло развитие технического прогресса в стране, ему же Великобритания обязана развитием рыночных отношений: «Делать деньги нужно из всего», – учил он супругу. По его задумке и под его руководством в 1851 году в Лондоне прошла первая Всемирная выставка машин, промышленных товаров и предметов искусства, где были представлены экспонаты со всего мира. Для выставки был построен знаменитый Хрустальный дворец – когда скептики заявили, что здание слишком ненадежно, принц Альберт первым прогулялся по его галереям, и в дальнейшем он и королева неоднократно посещали выставку. На деньги, полученные от выставки, был построен Южный Кенсингтонский музей, впоследствии переименованный в музей Виктории и Альберта.

Виктория прекрасно понимала, чем Альберту пришлось пожертвовать, когда он дал согласие на ней жениться: отныне все его значение в глазах публики сводилось к роли производителя – он был обязан дать королеве детей, быть ей надежным тылом и ни в коем случае не вмешиваться в управление государством. С первым делом Альберт справился блестяще: уже через девять месяцев после свадьбы королева родила первенца – дочь Викторию Аделаиду, а еще через год – наследника престола Альберта Эдуарда (будущего короля Эдуарда VII). Затем были Алиса (родилась в 1843 году), Альфред (1844), Елена (1846), Луиза (1848), Артур (1850), Леопольд (1853) и Беатрис (1857). Королева была уверена, что ее истинное предназначение состоит в рождении и воспитании детей, и всю жизнь осуждала женщин, которые пытаются увильнуть от исполнения этого «высшего для женщины» долга. Альберт занимался не только воспитанием детей – в его сферу интересов входили различные культурные учреждения, больницы и приюты, он покровительствовал развитию искусств, приглашал ко двору лучших писателей, художников и изобретателей Англии – чтобы, по его собственному выражению, оживить придворный «пейзаж в серых тонах».

Франц Ксавье Виктерхальтер. Королева Виктория, 1843 г.

Виктория и Альберт в сопровождении своих детей постоянно показывались на публике, являя собой лучший пример «настоящей семьи». Их образ жизни (по крайней мере тот, каким его изображала пресса) стал образцом для всех подданных. С легкой руки принца Альберта, привезшего из родной Германии обычай праздновать Рождество в кругу семьи – с елкой, индейкой и обязательными подарками для прислуги – такое обыкновение распространилось по всей Англии, а затем и в английских колониях. Виктория любила Ирландию и часто там бывала – и ее любимый городок Килларни превратился в процветающий курорт. По примеру королевы, которая обзавелась загородным домом – сначала поместьем Осборн на острове Уайт, а затем замком Бальморал в Шотландии, состоятельные англичане тоже стали покупать себе сельские коттеджи, где, подобно принцу Альберту, собственноручно копались в земле. Королева Виктория использовала во время родов принца Леопольда хлороформ – и на анестезию во время родов перестали смотреть как на нарушение библейской заповеди. В 1845 году, когда в

Ирландии случился крупный неурожай картофеля – основной сельскохозяйственной культуры острова – Виктория пожертвовала 5000 фунтов в помощь голодающим, и даже самые ярые ненавистники католиков последовали ее примеру. Даже традиции прославленного английского чаепития были установлены королевой Викторией, посвятившей им трактат *Tea Moralities*. Моральные принципы, привычки и личное мнение королевы были для простых подданных руководством к действию, хотя иногда это и принимало странные формы. Виктория очень любила морские купания, но когда она была беременной, ей стало тяжело заходить в воду, и ее закатывали в волны на кресле – и скоро английские пляжи заполнились курьезно знаменитыми «пляжными кабинками»: небольшими будками на колесах, куда женщина заходила, переодевалась, а затем кабинка заезжала в воду. Известно, что Виктория не принимала при дворе разведенных женщин и вдов, которые вторично вышли замуж, – говорят, чтобы не видеть свою мать, которая не желала мириться с потерей влияния на дочь. По соображениям этикета Виктория и Альберт на людях обращались друг к другу официально – и публичное проявление чувств даже между супругами стало считаться неприличным, а муж и жена звали друг друга «миссис такая-то» и «мистер такой-то».

Идеальная семья Виктории и Альберта не только подняла на недостижимую прежде высоту престиж английской королевской семьи, но и повысила в общественном сознании статус личной, частной жизни: из формального института, где супругов связывали скорее деловые отношения, чем чувства, семья превратилась в ту самую ячейку общества, обладающую первостепенным для государства значением, где любовь ценилась и приветствовалась (правда, сексуальную сторону брака было принято не только скрывать, но даже отрицать). Хотя сама королева была явно не чужда плотских радостей: когда измученной постоянными родами Виктории врачи деликатно посоветовали единственное на тот момент действенное средство контрацепции – воздержание, она отказалась: «Может быть, это и вредно, но зато как приятно!»

Франц Ксавье Винтерхаптер. Портрет королевы Виктории и принца Альберта с детьми

Конечно, и в королевской семье случались ссоры: Виктория была эмоциональной и независимой натурой, к тому же постоянное нервное напряжение и частые беременности сильно портили ее характер. Она нередко срывалась на супруга, который всеми силами старался достойно переносить вспышки ее недовольства: он молча давал ей выговориться, а затем спокойно излагал свою точку зрения. Их самая крупная ссора случилась, когда заболела их первая дочь, Виктория: оба родителя имели свое мнение по вопросу лечения ребенка, и после долгих криков Виктория хлопнула дверью, а Альберт написал ей письмо: если с девочкой что-нибудь случится, именно Виктория будет виновата в ее смерти. Именно тогда Виктория при-

знала авторитет мужа и стала ценить его мнение. Через двадцать лет их семейной жизни она уже не могла себе представить жизни без Альберта.

В 1860 году королевская чета задумалась о подходящей партии для наследника престола. Наибольшие симпатии Виктории вызвала Александра, дочь датского короля: красивая, обаятельная, нежная и весьма умная девушка была настоящим сокровищем – даже русский император Александр II подумывал женить на ней своего старшего сына. Узнав об этом, Виктория немедленно организовала встречу Александры и принца Уэльского, а затем и их помолвку. Русский император довольствовался младшей сестрой Александры – Дагмарой, ставшей со временем императрицей Марией Федоровной.

В это время при дворе стало известно о связи Альберта-Эдуарда с актрисой Нелли Клифден, особой весьма вольного поведения. Альберт был в шоке: он всегда считал, что у настоящего джентльмена может быть только одна женщина – его жена, и связь старшего сына с дамой, которая имела репутацию содержанки, да еще накануне свадьбы, была воспринята им как чудовищное преступление. Нервный срыв подкосил здоровье принца-консорта, к тому же он простудился и не нашел времени как следует лечиться. В декабре 1861 года принц Альберт скончался.

Виктория была безутешна. Со дня его смерти и до конца жизни она всегда носила траур – лишь через десять лет сменив черный вдовий чепец на белые кружева. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека окончилась. Мир померк для меня», – писала она своему дяде Леопольду. Убитая горем вдова практически удалилась от мира, запершись в своих покоях, где все должно было оставаться, как при жизни Альберта: в его кабинете ставили живые цветы, заводили часы, на постель приносили его пижаму. И в государственных делах Виктория следовала заветам Альберта: «Я твердо решила, что все его пожелания, планы, мысли будут для меня руководством к действию», – писала она дяде. Она продолжала править твердой рукой, и важнейшим делом ее было увековечивание памяти ее «драгоценного и несравненного» Альберта: она написала мемуары о нем, в его честь были построены мемориал в Гайд-парке и Альберт-Холл в Кенсингтоне, установлены памятники в различных городах, переименованы улицы.

Принц Альберт, конец 1850-х гг.

Несколько лет королева практически не появлялась на публике – в конце концов это привело к тому, что англичане, ранее обожавшие свою королеву, и искренне сочувствующие ей в ее горе, стали критиковать Викторию за пренебрежение своими основными обязанностями –

представлять свою страну перед миром и Господом: она не появлялась в парламенте, не встречалась с народом, даже на свадьбах своих детей она сидела в боковой комнате, незаметная гостям. «За что мы платим королеве, если она не работает и не выполняет свои функции», – вопрошали газеты. К тому же стали распространяться слухи о неподобающем расположении, которое Виктория оказывает своему слуге, шотландцу Джону Брауну, который когда-то был конюхом Альберта, а теперь стал ее личным и любимым слугой. Об их отношениях говорят всякое: от того, что Браун был медиумом, который устраивал для Виктории спиритические сеансы связи с умершим мужем, до того, что у них была интимная связь. Говорили, что Виктория решила, будто дух Альберта вселился в Брауна, а один священник перед смертью утверждал, что он даже тайно обвенчал королеву и ее слугу. Подробности уже никто никогда не узнает. Известно лишь, что Виктория очень дорожила Брауном – по сути он стал ее единственным другом, верным, преданным и бескорыстным, который дважды спасал Виктории жизнь: когда однажды карета королевы перевернулась и во время покушения 1872 года, когда Артур О'Коннор бросился к карете королевы, размахивая пистолетом (как оказалось впоследствии, незаряженным) – Браун сбил его на землю прежде, чем королева успела заметить оружие и испугаться. Когда он умер в 1883 году, Виктория искренне его оплакивала, повелела поставить его статую в Бальморале и даже посвятила ему книгу воспоминаний. Место любимого слуги рядом с королевой занял индеец Абдулла, который говорил ей витиеватые комплименты, учил ее говорить на хинди, и со временем стал ее личным советником по индийским вопросам.

Виктория стала снова появляться на публике лишь в 1871 году: после того, как ее старший сын и наследник успешно перенес тяжелый тиф, по всей стране прошли благодарственные торжества, в один миг вернувшие королевской семье былую популярность, а Виктории – искреннюю любовь подданных.

Эдвин Ленсдир. Королева Виктория в Осборне, 1866 г. Поводья лошади держит Джон Браун, на скамейке сидят принцессы Хелена и Луиза

Она правила еще тридцать лет, и каждый день был до отказа заполнен делами. Через руки королевы проходили тысячи бумаг, и каждую она просматривала, прежде чем подписать или отклонить, – Виктория всегда считала своим долгом вникать во все мелочи, и ни одно решение не принималось без ее участия. Под ее руководством Англия добилась невероятных успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте, ее власть распространилась на четверть суши, и в образовавшемся «английском мире» Виктория занимала центральное место. В 1876 году она – по инициативе лорда Дизраэли – получила от парламента титул Императрицы Индии, которым она безмерно гордилась. Ее империя стала для всего мира символом стабильности, процветания и успеха, а сама королева – хранительницей традиций,

образцом порядочности и примером великого монарха. Она заботилась о стране – и страна процветала. Она была верна своим принципам, которые со временем переросли в привычки, а привычки королевы стали традициями, которым Великобритания во многом верна до сих пор. Через своих детей Виктория породнилась со всеми правящими домами Европы – ее потомки сидели на тронах Германии и России, Испании, Румынии и Греции. Недаром Викторию называли «бабушкой всей Европы». Всего у нее и Альберта было сорок внуков.

Пятидесятилетний юбилей правления королевы Виктории был отмечен с большой помпой: на торжественный банкет были приглашены 50 европейских королей и принцев, а народные гуляния наглядно показали все растущую любовь подданных к своей государыне. Еще более пышно праздновали шестидесятилетний, «алмазный» юбилей: на празднование были приглашены управляющие всех британских колоний с семьями, а в торжественной процессии приняли участие военные отряды от каждой колонии, включая солдат, присланных индийскими принцами. Никого уже не интересовало, что Виктория имела все меньше власти, все меньше сил. Она плохо видела, не могла ходить, почти все время болела. Она тяжело перенесла смерть своего сына Альфреда и двух внуков, очень близко к сердцу принимала все неприятности в личной жизни своих детей. Будто стараясь удержать слишком быстро ускользающую жизнь, Виктория противилась любым переменам в своей жизни – будь то смерть старых слуг, новинки техники или вопросы этикета. Хотя все парламентские документы давно печатались на пишущей машинке, специально для королевы их переписывали от руки. Поезд королевы всегда ездил с той же скоростью, что и при принце Альберте, а дворец по-прежнему освещали свечами вместо распространившегося газа. Но она до последнего дня продолжала заниматься делами государства, которому отдала почти всю свою жизнь. Последней публичной церемонией, в которой приняла участие Виктория, была закладка нового здания будущего музея Виктории и Альберта в 1899 году.

У. Брант писал в своих записках: «Из того, что я слышал о королеве в последние годы ее жизни, явствует, что она была довольно банальной почтенной старой дамой и напоминала многих наших вдов с ограниченными взглядами, без всякого понимания искусства и литературы, любила деньги, обладала некоторым умением разбираться в делах и некоторыми политическими способностями, но легко поддавалась лести и любила ее... Впрочем, публика стала видеть в конце концов в этой старой даме нечто вроде фетиша или идола». Так что нет ничего удивительного в том, что когда королева Виктория скончалась 22 января 1901 года, ее подданные были в шоке: по выражению поэта Роберта Бриджса, «казалось, что колонна, державшая небосвод, обрушилась» – ведь практически все англичане не знали другого монарха.

Королева Виктория, 1882 г. На стене – портрет принца Альберта работы Ф. Винтерхальтера

Согласно завещанию, в гроб к королеве положили слепок руки принца Альберта и его халат, а по другую руку – портрет Джона Брауна и прядь его волос. Она была одета в белое платье – именно в нем она собиралась вновь встретиться со своим «милым ангелом» Альбертом. Ее похоронили рядом с ним в мавзолее Фрогмор в Виндзорском замке. Вместе с нею англичане похоронили девятнадцатый век – век спокойствия, стабильности и викторианских ценностей.

Жозефина Богарне

Любовь императора

Это имя, нежное и страстное, ионное скрытой неги и явного очарования, могло принадлежать только ей одной – прекрасной женищине, верной спутнице одного из величайших людей своего времени. Все знают о ней – но как мало знают ее! Одни писали, что она была красива, другие вспоминали ее неправильные черты лица и плохие зубы. Одним она запомнилась непомерными долгами и шлейфом любовных авантюр, другим – силой духа, твердостью характера, стойкостью и немалым женским умом. Она словно прожила две совершенно разные жизни, сменив внешность, манеры, даже имя... И если Жозефину, супругу Наполеона, ждали небывалые взлеты и стремительные падения, то в первой ее жизни, когда ее звали Мари-Роз-Жозефа Таше, не было ничего радостного, зато хватало печалей...

Женщина, которой суждено было прославиться на весь мир своим истинно французским обаянием и парижским шармом, родилась 23 июня 1763 года в городке Труаз-Иле на острове

Мартиника – далекой вест-индской колонии, откуда до Парижа было гораздо дальше, чем до ярких южных звезд. Когда Мари-Роз было семь лет, гадалка нагадала ей: «Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон». Но это предсказание вызвало только смех....

Ее отец, Жозеф-Гаспар Таше де ла Пажери, в молодости служил пажом при дворе матери короля Людовика XVI Марии-Жозефы Саксонской, и воспоминания об этом золотом времени были единственной радостью и главным развлечением во время его службы в Вест-Индии. Жизнь в Труаз-Иле была скучная, однообразная и невыносимо провинциальная – Мари-Роз понимала это с детства, и с ранних лет ее мечтой было вырваться с надоевшей Мартиники в Париж, навстречу своей судьбе. Девушка без связей, без красоты, без состояния, она могла надеяться только на чудо. И чудо произошло.

Сестра ее отца, Эдми-Дезире Таше, когда-то сумела очаровать самого губернатора Мартиники маркиза Франсуа де Богарне, и после его отставки сбежала с ним в Париж. Мадам Дезире была женщина умная и любящая свою семью: ей пришла в голову блестящая идея – как только ее племянница войдет в возраст, ее надо выдать замуж за сына маркиза, Александра Богарне. Эта мысль казалась ей удачной во всех отношениях – чувства самих молодых людей, конечно же, в расчет не брались. И в сентябре 1779 года шестнадцатилетняя Мари-Роз в сопровождении отца прибыла в город своей мечты – Париж, чтобы выйти замуж за виконта Александра Богарне. Красавец в ослепительном парадном мундире поразил ее в самое сердце, и Мари-Роз уже предвкушала вечное счастье в самом лучшем городе мира...

Но, как это нередко бывает, счастья не получилось. Александр, настоящий парижский франт, светский лев и ловелас, был не в восторге от своей жены – неуклюжей, некрасивой, непроходимо провинциальной... Женившись, он сохранил все привычки холостяка, отсутствовал дома неделями и с женой старался не только не появляться вместе на людях, но и вообще пореже встречаться. Даже рождение двоих детей – в 1781 году сына Эжена (Евгения) и в апреле 1783 года дочери Эжени-Орта не (Гортензии) – не исправило ситуацию. Наоборот – Александр был так удивлен рождением у заброшенной жены дочери, что даже затеял против нее судебный процесс с целью доказать факт супружеской измены. Вместе со своей возлюбленной Лаурой де Лонгпре он даже съездил на Мартинику, чтобы там найти какие-нибудь компрометирующие Мари-Роз факты, но ничего не вышло. Суд постановил считать Ортанс законной дочерью виконта Богарне.

Все эти события, конечно, не добавили тепла в еле тлеющий семейный очаг. Александр старался не заходить в собственный дом и почти совсем перестал видаться с семьей. А зря – если бы он почаще бывал дома, он бы заметил, как разительно переменилась его когда-то безнадежно провинциальная супруга.

Оказавшись в Париже, Мари-Роз быстро поняла, что этому городу надо соответствовать. Войдя с помощью замужества в лучшие салоны тогдашней Франции, она увидела, какой ей нужно стать, чтобы как знаменитые женщины того времени, царить и соблазнять. Жер-

мена де Сталь, Фелисия де Жанлис и другие светские львицы были превосходными примерами для подражания – зачастую далеко не красавицы, они были совершенными образчиками изысканного обаяния, отточенной грации, отшлифованного стиля и безупречного вкуса. Они умели повелевать мужчинами, они умели использовать мужчин и они прекрасно умели добиваться всего, чего хотели, с помощью своих чар и своего тела. Всему этому Мари-Роз взялась научиться – и всем этим она овладела в совершенстве. За несколько лет из прежней неуклюжей креолки Мари-Роз Богарне превратилась в ослепительную женщину – с чарующей грацией движений, сокрушающей мягкостью, с незабываемым серебристым голосом. Чтобы скрыть плохие зубы, Мари-Роз научилась смеяться, не раскрывая рта: ее знаменитая полуулыбка сжатых губ вошла в историю – так же, как манера ее будущего знаменитого супруга закладывать руку за полу мундира. «Я не была красавицей, и мне приходилось играть роль красавицы, а недостатки компенсировать женственностью», – вспоминала она.

О виконтессе Богарне стали говорить как о «даме достойной и элегантной, с отличными манерами, очень изящной и обладающей самым прелестным голосом». У нее появились первые поклонники, и Мари-Роз почувствовала, что она достойна большего, чем прозябать в качестве «отставной жены». Она попыталась было примириться с Александром, очаровав его и покори́в, но то ли ее обаяние было еще не до конца отточено, то ли супруг за годы брака приобрел стойкий иммунитет к ее чарам – воссоединить семью не удалось. Последним гвоздем в гроб их брака стал отказ Александра представить жену ко двору: он, воспитанный в традициях Просвещения, искренне считал королевский двор сборищем паразитов на народном теле и никак не желал понимать свойственное каждой провинциалке желание лично увидеть Марию-Антуанетту. В марте 1785 года супруги развелись.

Оказавшись предоставленной самой себе, Мари-Роз с головой окунулась во все те удовольствия, которые были для нее связаны со свободой, – поклонники, дорогие наряды, званные вечера... Все это требовало денег, а доход молодой дамы был весьма небольшим. В конце концов, летом 1788 года Мари-Роз была вынуждена срочно – пока не прознали кредиторы – покинуть Париж и уехать домой, на Мартинику.

Неизвестный художник. Виконт Александр Богарне, начало 1790-х гг.

Там она провела два года – все так же веселясь, флиртуя и соблазняя. Один из офицеров вспоминал Мари-Роз того времени: «Эта дама, которую нельзя назвать красивой, тем не менее очень привлекательна своим стилем, веселостью и добросердечием. Она открыто пренебрегает общественным мнением. Поскольку ее доходы весьма ограничены, а она обожает тратить деньги, она вынуждена заимствовать их из кошельков своих поклонников».

Казалось, Мари-Роз успокоилась, найдя свое место в этой жизни. Но революция 1789 года спутала все карты. Взорвав Францию, революция опустошающей волной прокатилась по

всем французским колониям. Дворянам, да и просто богатым людям, оставаться там стало небезопасно. В октябре 1790 года мадам Богарне вернулась в Париж.

Пока она отсутствовала, ее бывший супруг ударился в политику. Виконт Богарне стал депутатом Национального собрания, где блистал громкими речами по любому поводу. В июне 1791 года именно Александр Богарне сообщил депутатам о бегстве короля и его семьи из дворца Тюильри. После этого двадцать шесть часов бывший виконт Богарне представлял собой верховную власть Франции.

Когда к власти пришли жирондисты, Богарне оставил политику и перешел в армию – он был назначен главнокомандующим Рейнской армией Французской республики, но проявил себя не столько военными победами, сколько скандально легкомысленным поведением: говорили, что он вместо учений устраивает балы для проституток. После принятия якобинским Конвентом закона о недопущении дворян к службе в революционной армии Александр вышел в отставку, а с началом якобинского террора был по ложному доносу арестован как враг народа. Мари-Роз поначалу исправно навещала мужа в тюрьме, но вскоре оказалась там и сама. Больше года она провела в монастыре кармелитов, ставшем самой страшной и самой странной тюрьмой в истории Франции.

Заключенные жили в чудовищных условиях – крысы, антисанитария, духота, огромная влажность, отвратительное питание – и в постоянном страхе смерти: выход из тюрьмы был только на гильотину, смерть всегда приходила внезапно, не оставляя времени на раздумья, страх и соболезнования. Поэтому боялись всегда – и глушили страх невероятными оргиями, о которых в обычной жизни побоялись бы и подумать. Женские камеры не были изолированы от мужских, и население тюрьмы постоянно перемещалось по бывшему монастырю в погоне за наслаждениями, которые помогали заменить жизнь.

Мари-Роз сошлась с молодым генералом Лазарем Гошем, а Александр был влюблен в Дельфину де Жюстен. Когда из монастыря увезли сначала генерала Гоша, а затем и генерала Богарне, Мари-Роз каждый раз плакала. Соседка спросила ее, как она может плакать по мужу, который заставлял ее страдать, а Мари-Роз ответила: «Я была так привязана к нему!»

Александра казнили 22 июня 1794 – в день рождения Мари-Роз. Она с ужасом ждала своей очереди, но через пять дней – девятого термидора – якобинский режим был свергнут, и всех узников выпустили на свободу.

Выйдя из тюрьмы, Мари-Роз первым делом нашла генерала Гоша, который чудом избежал смерти, но у того уже была молодая жена, с которой генерал предпочел выехать на фронт. Надежды мадам Богарне на помощь и поддержку рухнули; но тут на помощь пришла новая подруга – Тереза Кабаррус, мадам Тальен.

С этой легендарной женщиной Мари-Роз познакомилась в тюрьме. Тереза, первая красавица Парижа по прозвищу «Богоматерь Термидора», жена депутата Тальена, была первой дамой новой Франции. В ее прославленном салоне, который сама Тереза скромно называла «Хижинкой», бывали все, кто обладал властью или деньгами, и те, кто только хотел этим обладать. Про «Хижинку» говорили, что здесь делалась политика, и это была чистая правда. И именно здесь Мари-Роз вышла на охоту за своим счастьем.

Поль Баррас

Поначалу она стала официальной любовницей Поля Барраса – тогда председателя Национального собрания, члена Комитета общественной безопасности и командующего Внутренней армией Парижа. Средства Барраса были неограниченны – и Мари-Роз впервые в жизни

тратила столько, сколько хотела, а хотела она очень и очень много. Она стала одной из признанных «цариц Парижа», законодательницей моды на прозрачные платья античного силуэта без рукавов. Один из завсегдатаев ее салона писал: «Она все еще была восхитительна, с этой гибкой и сладострастной фигурой, свойственной индийским женщинам, и все это сочеталось с достойными манерами старого режима. Голос у нее был таким трогательным, а выражение лица – таким нежным». Но Баррас стал уставать от стареющей мотовки, и она тоже почувствовала, что ее время проходит. Надо было срочно найти достойного мужа, способного обеспечить ей спокойное и сытое будущее.

Вот тогда Поль Баррас представил Мари-Роз молодого – на шесть лет моложе ее – генерала со странным для французского уха именем Наполеон Бонапарт. К этому времени на его счету были лишь взятие Тулона в 1793 году и расстрел мятежников в месяце вандермьере у Тюильри – за это Бонапарт получил прозвище «генерала Вандермьера», звание бригадного генерала и должность командующего Внутренней армией Парижа. Карьера молодого честолюбивого корсиканца шла в гору, и для полного удовлетворения ему было необходимо выгодно жениться: на женщине богатой и со связями. Он сделал предложение пятидесятилетней богатой вдове мадам Пермон, но та лишь расхохоталась ему в лицо. Поначалу у мадам Богарне была похожая реакция: нищий коротышка-генерал, которого она называла «котом в сапогах», был смешон в своих притязаниях на ее внимание, а еще смешнее были его планы по спасению Франции путем завоевания Италии!

Но вскоре она стала относиться к нему более серьезно. Да, он был некрасив, небогат и незнатен, но в нем чувствовалась сила, которую Мари-Роз умела видеть и ценить. Разговорившись с Бонапартом, она так хорошо его слушала, так тонко хвалила, что генерал был сражен наповал. «Мадам Богарне всегда с интересом слушала о моих планах. Однажды, когда я сидел за обедом рядом с ней, она стала говорить мне комплименты, восхищаясь моим военным талантом. Ее похвалы вдохновили меня. С этого момента я разговаривал только с ней и не отходил от нее», – вспоминал Наполеон.

Она пишет ему: «Вы совсем не навещаете любящего вас друга, совершенно забыли его, и напрасно, потому что друг этот вам искренне и нежно предан. Приходите завтра ко мне обедать...» – и он пришел. Чтобы закрепить успех, Мари-Роз подсылает к Бонапарту сына – он просит вернуть ему конфискованную саблю отца, и за выполненную просьбу Мари-Роз является поблагодарить лично: она была нежной и скромной, он – благородным и сильным... Потом было еще несколько встреч, проведенная вместе ночь и знаменитое письмо: «Мое пробуждение полно тобой. Твой облик и пьянящий вечер, проведенный с тобой вчера, не оставляют в покое мои чувства. Нежная, несравненная Жозефина! Что за странные вещи творите Вы с моим сердцем!»

Так впервые звучит имя, под которым мадам Богарне было суждено войти в историю, – Жозефина...

Жан-Антуан Гро. Наполеон на Аркольском мосту, 1801 г

7 февраля 1796 года было объявлено о предстоящей свадьбе генерала Наполеона Бонапарта и вдовы Мари-Роз-Жозефины Богарне. А 2 марта Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армией: это было приданое Барраса, которое он давал за своей бывшей любовницей. Занятый приготовлениями к походу, Наполеон на два часа опоздал на собственную свадьбу, которая проходила, по тогдашнему обыкновению, не в соборе, а в мэрии Второго округа на улице Антэн. В брачном контракте, подписанном 9 марта, Жозефина Богарне убила себе четыре года (на самом деле ей тридцать два), а Наполеон добавил себе год (ему всего двадцать шесть). Он преподнес ей кольцо с сапфирами и надписью «Это судьба», а она ему, как он надеялся, – счастье, богатство и положение в обществе. Впрочем, узнав, что его супруга по уши в долгах, он не расстроился: деньги он добудет себе сам, лишь бы его Жозефина была рядом с ним.

На следующее утро одна из парижских газет в весьма легкомысленном тоне сообщила о бракосочетании: «Генерал Буона Парте, известный в Европе многочисленными военными подвигами (говорят, до того, как стать генералом Республики, он был клерком на Корсике в Бастии), решил, прежде чем вернуться в армию и увенчать себя лаврами Марса, собрать митовый букет Амура. То есть, выражаясь обычным вульгарным языком, он решил жениться. Амур и Гименей увенчали генерала; он женился на молоденькой вдове сорока двух лет, весьма недурной и даже сохранившей один зуб в прелестнейшем в мире ротике. Свидетелями были мсье Баррас, Тальен и Кабаррус, так что церемония была веселой и пикантной. Мсье Баррас и Тальен еле сдерживали радостный смех, глядя на генерала Буона Парте: так они были довольны, освободившись благодаря его браку от сердечных забот и угрызений совести». Говорят, Наполеон очень громко смеялся, читая эту заметку...

Через два дня генерал Бонапарт отправляется в Италию. Там он получил письмо от бывшей невесты, дочери марсельского купца Эжени Дезире Клари. На ее сестре Жюли был женат старший брат Наполеона Жозеф, и их с Эжени свадьба должна была состояться как раз в середине 1796 года, однако Наполеон женился, даже не потрудившись расторгнуть помолвку. «Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, но я прощаю Вас – писала ему невеста. – Вы женились, бедная Эжени не имеет больше права любить Вас. Вы говорили, что меня любите, а теперь Вы женаты! Нет, я не могу свыкнуться с этой мыслью. Она меня убивает! Я останусь верна тем клятвам, что связывали нас, я никогда не выйду замуж за другого. Мое несчастье научило меня не верить мужчинам, не доверять своему сердцу. Я уже просила Вас через Вашего брата вернуть мой портрет; я снова прошу Вас об этом. Он не нужен Вам теперь, когда Вы обладаете очаровательной женой! И сравнение, конечно, будет не в мою пользу... Ваша жена во всем превосходит бедную Эжени, но едва ли превосходит ее в любви к Вам. И это случилось после года разлуки, когда я жила только надеждой увидеть Вас, стать Вашей женой и счастливейшей женщиной в мире... Меня утешает сейчас только то, что у Вас не может возникнуть сомнений в моем постоянстве. Но я хочу умереть, жизнь не нужна мне теперь, когда я не могу посвятить ее Вам. Я Вам желаю самого полного счастья и процветания в Вашем браке; я надеюсь, что женщина, которую Вы избрали, сделает Вас таким счастливым, как Вы того заслуживаете. Но в своей счастливой жизни не забывайте о бедной Евгении и пожалейте ее». Муки совести за страдания своей бывшей невесты не оставляли Наполеона до самой смерти: он всячески старался устроить ее судьбу, предлагая ей замужество с любым из своих генералов, пока сама Эжени-Дезире не вышла за генерала Бернадотта. Со временем Бернадотт – не без участия Наполеона – стал королем Швеции Карлом-Иоганном, а его супруга – королевой Дезидерией... Прихоть судьбы – в свое время сын Дезире, крестник Наполеона Оскар Бернадотт женится на внучке Жозефины, и их потомки до сих пор правят Швецией.

Франсуа Жерар. Императрица Жозефина, 1801 г.

Однако на мысли о бывших невестах нет времени. Разлука с обожаемой женой съедает Наполеона изнутри, заставляя с удвоенной силой бросаться на врага. За две недели он одержал девять побед, а между боями писал ей страстные письма, призывая не забывать, помнить, приехать к нему: «Когда я бываю готов проклясть жизнь, я кладу руку на сердце: там твой портрет, я на него смотрю, и любовь для меня – безмерное лучезарное счастье, омрачаемое только разлукой с тобой. Ты приедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, в моих объятиях! Лети на крыльях! Приезжай, приезжай!»

Но она не приезжала. Жозефина не собиралась менять удовольствия веселой парижской жизни на достойное спартанцев существование в военном лагере, к тому же пылкие восторги мужа ее утомляли и раздражали. Чтобы не ехать, Жозефина даже притворяется беременной, но потом все же – под нажимом Барраса, который испугался, что генерал в порыве страсти просто бросит армию в Италии и примчится в Париж, – приезжает к супругу на два дня в Милан. Свою задержку она объяснила, предъявив супругу невероятный по своей сути документ, который Жозефина на прощание выпросила у Барраса: «Директория не давала разрешения гражданке Бонапарт уехать из Парижа, поскольку заботы о супруге могли отвлечь ее мужа от дел военной славы и спасения Родины; теперь, когда взят Милан, мы не имеем более возражений против ее отъезда и надеемся, что мирты, которыми она увенчает супруга, не повредят лаврам, которыми его увенчала слава». На самом деле Жозефину в Париже задержало совсем не благо страны, а страстный роман с красавцем лейтенантом Ипполитом Шарлем, недалеким, веселым и легкомысленным адъютантом полковника Леклерка, и все ее мысли были о Шарле, а не о муже. Когда Наполеон с триумфом вернулся из Италии, Жозефина радовалась скорее тем богатствам, которые привез ее муж, чем ему самому. От него она совсем успела отвыкнуть... К тому же его семья Жозефину категорически не приняла: им была милее Дезире Клари – а точнее, ее немаленькое приданое. Но Наполеон променял марсельские деньги на обаяние и связи бывшей виконтессы, и этого остальные Бонапарты не могли ей простить, всячески стараясь оторвать «старую потаскуху» от Наполеона.

Во время следующего похода – египетской кампании – Наполеон стараниями своих родных уже точно знал, что жена, ждущая его в Милане, ему изменяет, – в письмах к нему братья и сестры точно докладывали ему,

с кем и как. Попытался изменить и он: Полина Фуре по прозвищу Беллилот, была красива и смела – юная жена одного из его лейтенантов в мужском платье пробралась в лагерь к мужу, однако скоро сменила его палатку на постель генерала. Увы – Беллилот не смогла вытеснить из его сердца Жозефину, с которой Наполеон, тем не менее, твердо решил развестись. Вдобавок ко всем несчастьям английский флот перехватил курьера, который вез Наполеону письма от его семьи: письма были опубликованы, и теперь вся Европа потешалась над рогами генерала. В тоске он пишет своему брату Жозефу: «Ты читаешь в этих документах о завоевании Египта, добавившем еще страницу к истории воинской славы нашей армии. Но семейная жизнь моя потерпела крушение, все завесы упали... Как грустно жить, если есть только один человек на свете, к которому обращены твои чувства... Я разочаровался в людях... Мне необходимо уединение, величие мне наскучило, слава надоела, сердце мое иссохло – в 29 лет я конченный человек... Я хотел создать свой дом, я никогда не думал, что со мной случится такое... Мне незачем жить теперь...»

Второго октября Наполеон, с невероятными трудностями прорвавшись сквозь английскую блокаду, высадился в Аяччо. Узнав об этом, Жозефина немедленно выехала ему навстречу, рассчитывая в дороге переубедить его, снова влюбить в себя, покорить... Они разминулись. Когда она вернулась домой, ее вещи были у привратника, а входная дверь заперта – в доме прятался Наполеон, справедливо опасавшийся, что личная встреча с Жозефиной лишит его решимости. Два дня она плакала под дверью, умоляя впустить ее. Лишь когда к ней присоединились Орта не и Эжен, который был вместе с отчимом в Египетском походе, Наполеон сдался. На следующее утро супруги проснулись вместе...

В те два дня Жозефина многое поняла. Она по достоинству оценила своего мужа; она ясно увидела, что будет, если он все-таки с нею разведется; она поняла, что без него она больше не сможет жить... Можно счесть это страхом перед одинокой старостью или боязнью потерять положение в обществе (все-таки быть женой самого прославленного и удачливого генерала Франции было весьма выгодно!), внезапно проснувшейся любовью или трезвым расчетом, но

с тех пор Жозефина стала для своего мужа верной, надежной и заботливой спутницей жизни, талисманом, помощницей и вдохновительницей.

Правда, ее верность никогда не была полной: без флирта и новых романов она не представляла себе жизни. Не оставался в долгу и Наполеон: его победы на любовном фронте были столь же громкими и гораздо более частыми, чем победы на войне. Он покорял и подруг своей жены, и жен своих друзей с той же легкостью, с которой брал города. Жозефина не просто знала обо всех его увлечениях – он сам рассказывал ей о них, прося иногда совета, иногда сочувствия, и она никогда не отказывала ему ни в том, ни в другом. То чувство, что их связывало, было выше измен, выше банальной ревности. Недаром когда-то он писал ей: «Мое сердце никогда не испытывало ничего незначительного. Оно было защищено от любви. Ты внушила ему страсть без границ, опьянение, которое его разрушает. Мечта о тебе была в моей душе еще до твоего появления в природе. Твой каприз был для меня священным законом. Иметь возможность видеть тебя было для меня верховным счастьем. Ты красива, грациозна. Твоя душа, нежная и возвышенная, отражается в твоём облике. Я обожаю в тебе все. Более наивную, более юную я любил бы тебя меньше. Все мне нравилось в тебе, вплоть до воспоминаний о твоих ошибках и сцены, произошедшей за 15 дней до нашей свадьбы. Добродетелью для меня было то, что ты делала, честью – то, что тебе нравилось. Слава была привлекательна для моего сердца только потому, что она была тебе приятна и льстила твоему самолюбию»... Жозефина согрела душу Наполеона, расшевелила его сердце, сделала его тем, кем он стал. Она была готова часами выслушивать его планы, очаровывать нужных ему людей, читать ему вслух, помогать ему во всем. Как писал

Филипп де Сегюр, «Ее рассудительность, ее изящество, манеры, самообладание, ее остроумие сослужили ему хорошую службу. Она оправдала возродившуюся веру Бонапарта в нее». Сам Наполеон признавал, что переворот 18 брюмера не состоялся бы без Жозефины.

Став женой Первого консула, Жозефина должна была подчиниться строгому этикету, введенному Наполеоном для своего двора: безукоризненное поведение, благородная сдержанность, скромность (в противовес разгулу последних лет Республики) отныне стали визитной карточкой высших слоев французского общества. Пока ее супруг командовал армией чиновников и работал над проектом Конституции, Жозефина занималась благотворительностью, чем привлекла к Наполеону немало сторонников. «Пока я выигрываю сражения, Жозефина завоёвывает сердца», – с благодарностью и восхищением говорил Бонапарт. Отбросив броскую роскошь, которая только озлобляла народ, Жозефина стала законодательницей новой моды. Если раньше царицы салонов появлялись в блеске драгоценностей и полупрозрачных платьях на почти обнаженное тело, теперь Жозефина ходила в простых белых нарядах с минимумом украшений. Правда, украшения были весьма дорогими, а таких платьев у нее было столько, что она потеряла им счет, и сумма долга портным была такова, что она боялась признаться даже в половине. Пока Наполеон был в Египте, она всего за один летний месяц, проведенный в Мальмезоне – загородном имении под Парижем, – заказала тридцать восемь шляпок!

Чтобы как-то расправиться с долгами, Жозефина стала вести дела с поставщиками армии и контрактами на строительство – комиссионные и подарки «жене консула» приносили ей неплохой доход. Как только Наполеон узнал об этом, он в гневе чуть не убил супругу, впредь запретив ей даже думать о таких вещах. Но долги продолжали появляться... Говорят, Жозефина получала жалованье как шпионка минимум трех государств, нередко забывая о донесениях, но никогда – о гонорарах, но и этого не хватало. В конце концов Наполеон махнул на расточительность жены рукой: он был в состоянии оплачивать ее счета, а ее безудержная страсть к покупкам стала в его глазах лишь очередной милой странностью ее характера.

Единственное, что по-настоящему омрачало их брак, было отсутствие у них детей. Между тем Жозефина прекрасно понимала, что Наполеону, который строит новую Францию для себя и своих потомков, просто необходим законный сын. Поначалу Наполеон не заговори-

вал об этом, поскольку сам был не уверен, кто из них двоих не способен иметь детей. Но страх развода терзал Жозефину неотступно.

Провозгласив себя в 1804 году императором Франции, Наполеон торжественно короновался в соборе Нотр-Дам. Второго декабря специально прибывший для проведения церемонии папа Пий VII готовился возложить на голову императора корону, но Наполеон вырвал ее из рук папы и сам надел на себя. Затем так же была коронована и Жозефина. Публика приветствовала императора и императрицу с невероятным восторгом. И мало кто знал, что еще накануне папа отказывался проводить коронацию: ему донесли, что Наполеон и Жозефина не состоят в церковном браке, следовательно – по меркам католической церкви – живут во грехе. Говорят, к такой информированности его святейшества причастна сама Жозефина. Чтобы церемония все же состоялась, Наполеону пришлось ночью срочно обвенчаться с Жозефиной. На время она успокоилась.

Семье, которая была категорически против коронования Жозефины (помимо личной неприязни к его супруге, братьев беспокоил еще один момент: если Жозефина будет коронована, дети ее дочери Ортанс, вышедшей замуж за младшего брата Наполеона Луи Бонапарта, как внуки императрицы окажутся выше по положению прочих его племянников), Наполеон ответил: «Я знаю ее – если бы я оказался не на троне, а в тюрьме, она разделила бы и мои несчастья. Так что она должна разделить со мной величие, это только справедливо».

Жак-Луи Давид. Коронация Наполеона (фрагмент), 1805–1808 гг.

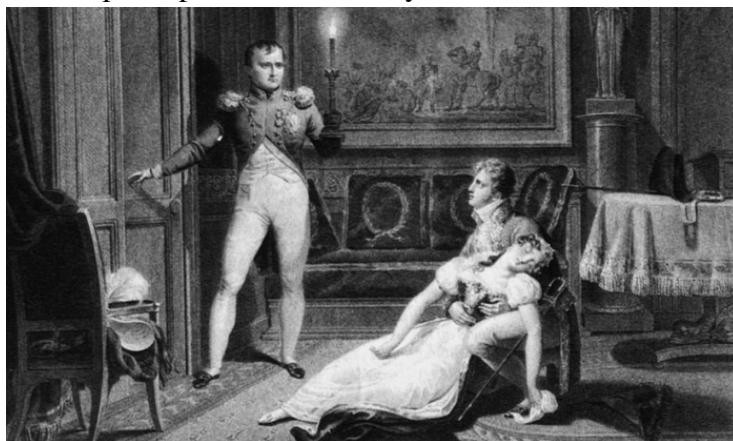

Франсуа Жерар. Портрет императрицы Жозефины в коронационном платье, 1808 г.

Говорят, Наполеону так понравилась коронованная Жозефина, что в тот вечер она по его желанию даже ужинала в короне – весьма, кстати, тяжелой. В этом видят полный скрытого смысла символ – быть супругой императора было весьма непросто... Но Жозефина справлялась с новой ролью с подлинным блеском, став истинной императрицей, матерью нации и образцом для подражания для всех своих подданных. Было известно, что она принимает ванну каждое утро – и во всех домах стали устраивать ваннские комнаты, а блистающие чистотой дамы перестали маскировать запах грязного тела ведрами одеколona. Ее прически повторяются на

тысячах головок – гладкие волосы, разделенные на пробор, с падающими на лоб и плечи локонами, или «конский хвост», напоминающий драгунский султан, кокетливо выглядывающий из-под шляпки. Жозефина любила цветы. «Цветы лучше всяких нарядов украшают зрелую женщину», – говорила она, и все парижанки вне зависимости от возраста стали украшать себя цветами вместо бриллиантов. В честь императрицы даже были названы два вида растений – лапажерия (по девичьей фамилии Жозефины Ла Пажери) и жозефиния. Француженки охотно подражали и ее мягкой манере говорить, ее макияжу, ее головным уборам...

Наполеон по-прежнему любил ее и ценил. Ее такт, умение слушать, мягкость и знание его характера помогли сгладить не один конфликт. «Если я на троне сохранил еще некоторые остатки любезности, если вы, французы, не имели государем строжайшего, надменнейшего, угрюмейшего из монархов, то благодарите за это Жозефину. Ее нежность, ее ласки часто смягчали мой характер и подавляли мое бешенство», – признавался Наполеон. Будучи в Париже, он проводил много времени в ее спальне, а в отъезде ежедневно писал ей письма, полные любви и страсти. Что, правда, не мешало ему постоянно заводить любовниц, три из которых – Элеонора Денюэль, Ева Краус и Мария Валевская – родили ему сыновей. Вопрос о разводе Наполеон впервые поднял в 1807 году, но тянул с решением еще два года, боясь причинить Жозефине лишние страдания. «Она этого не перенесет», – считал он. Но после Аустерлица и Тильзитского мира Наполеон почувствовал, что срок пришел. 30 ноября 1809 года он сообщил Жозефине о своем решении – она разрыдалась, из комнаты ее вынесли в обмороке... Увы, «у политики нет сердца, а есть только голова», – заметил ей Наполеон. Наконец, 15 декабря 1809 года в присутствии всех высших сановников империи, маршалов армии и всей императорской семьи был зачитан протокол о разводе. Жозефина не смогла дочитать его до конца – рыдания душили ее, она с трудом дотянула до конца церемонии. Формальным поводом для развода было отсутствие священника на церемонии их бракосочетания, однако все знали, что истинной причиной была неспособность Жозефины родить Наполеону сына.

Наполеон сообщает Жозефине о разводе. Гравюра П. Боссельмана, К.А. Шассель

Наполеон писал: «Я требую, чтобы она пожизненно сохранила титул и звание коронованной императрицы, а главное, чтобы она, самый дорогой мой человек, никогда не сомневалась в моем к ней чувстве». Он оставил бывшей жене все титулы и привилегии императрицы, три дворца – Елисейский дворец как городскую резиденцию, Мальмезон как летнюю и Наваррский замок для охоты – и ежегодное содержание в три миллиона франков. Она поселилась в любимом ею Мальмезоне.

Удивительно, но на следующий же день после развода Наполеон написал бывшей жене любовное послание, и писал их еще довольно долго. До самого конца он боялся оставаться с Жозефиной наедине, словно боясь, что не сможет совладать со своими чувствами... Недаром современники вспоминали: «Император не видел в своей супруге никаких недостатков. Она

для него не старилась и не менялась и, если бы Жозефина смогла подарить супругу наследника его славы и власти, он никогда не смог бы ее оставить. В своих мечтах он так с ней и не расстался».

Еще не разведясь окончательно с супругой, Наполеон начал подыскивать себе новую жену. Он сватался к сестре русского императора, великой княжне Екатерине Павловне, однако французскому императору деликатно отказали, сославшись на юный возраст невесты. По разным причинам отпали еще несколько кандидатур. Наконец следующей супругой Наполеона в марте 1810 года стала восемнадцатилетняя австрийская принцесса Мария-Луиза. Говорят, что письма к невесте Наполеону помогала писать Жозефина – сам он был не силен в грамматике, и хотя прекрасно умел выражать чувства, слова при этом были нередко написаны с ошибками. В марте 1811 года Мария-Луиза родила Наполеону долгожданного наследника, тут же получившего титул Римского короля.

Но недаром Жозефина говорила Наполеону, когда он просил у нее развода: «Наша совместная судьба слишком необыкновенна, и ее может решать только Провидение. Я слишком боюсь навлечь на нас обоих злой рок, если по своему желанию отделию свою жизнь от твоей». Потеряв Жозефину, Наполеон словно потерял и большую часть своей удачи. Неудачная русская кампания, проигранная Битва Народов у Лейпцига, сдача Парижа – все это Жозефина переживала, быть может, тяжелее, чем сам Наполеон, который всегда непоколебимо верил в свое военное счастье. А она говорила придворным дамам: «Я не раздумывая помчалась бы сквозь оккупированный Париж в Фонтенбло, чтобы никогда не расставаться с ним». 6 апреля 1814 года Наполеон отрекся от престола и вскоре, согласно решению союзников, отплыл на остров Эльба. Мария-Луиза с сыном вернулась в Вену.

Наполеон Бонапарт, ок. 1810 г.

Вид Мальмезона с прогуливающимися Наполеоном и Жозефиной

Узнав об участии Наполеона, Жозефина попросила у государей-победителей – императора Александра I, австрийского императора Франца и прусского короля Фридриха – Вильгельма – разрешения последовать за ним, но ей было галантно, хотя и твердо отказано ввиду ее почтенного возраста и хрупкого здоровья. Правда, это была единственная серьезная просьба Жозефины, которую государи не удовлетворили. Российский император, известный ценитель женского обаяния, был очарован бывшей императрицей, часто навещал ее в Мальмезоне и вел долгие разговоры. После данного в его честь бала Александр несколько часов прогуливался с Жозефиной по аллеям Мальмезона – эта прогулка стала последней. Слишком легко – по тогдашней моде – одетая, разгоряченная после бала Жозефина жестоко простудилась и через несколько дней скончалась. Как говорят, последними ее словами были: «Бонапарт. Эльба. Римский король...»

Узнав о смерти бывшей жены из английских газет, Наполеон произнес: «Жозефина была чудная женщина и очень умная. То, что я бросил ее, принесло мне неудачу. Я горячо оплакиваю ее потерю». С триумфом вернувшись во Францию в 1815 году, Наполеон посетил Мальмезон. Когда император спросил у врача, лечившего Жозефину, что стало причиной её смерти, то получил ответ: «Горе, тоска, страх за Вас».

Она не была единственной женщиной Наполеона, не была первой, не была последней. Но она была единственной, кого он по-настоящему любил, кого называл «несравненной», кого он за руку привел на вершину славы. Она была рядом с ним в радости, была бы и в горе, до последнего вздоха думая лишь о нем. Когда смерть пришла к Бонапарту, она была похожа на нее: недаром последним словом умирающего императора было ее имя – Жозефина...

Елизавета Алексеевна

Печальная императрица

Она не была Великой, как Екатерина II. Она не прославилась благотворительностью, как ее свекровь Мария Федоровна, или обаянием, как ее невестка Александра Федоровна, жена следующего императора (Николая I. Ее супруга, императора (Александра I, называли Великолепным и Победителем, самым красивым монархом Европы и самым обаятельным мужчиной России. (А она была его женой – любимой, нежеланной, прекрасной и очень несчастной, самой печальной императрицей Российской империи.

...В 1790 году Екатерина Великая задумала женить своего старшего внука. Александр был еще мал – всего тринадцать лет, но Екатерина уже успела объяснить ему его великое предназначение: стать императором Российской империи и править огромной страной мудро и справедливо, подобно великому Александру Македонскому. Внук, которого Екатерина, забрав у родителей, воспитывала сама в духе французских просветителей, предназначался ею в

наследники – в обход ее собственного сына Павла. Александр был талантлив, образован, обаятелен, но его душа с раннего детства была расколота необходимостью угождать разом вольнодумной бабушке и строгому педанту-отцу, которые между собой ладили весьма редко. Необходимость льстить и приспосабливаться к двум столь противоположным обществам рано воспитала в Александре скрытность и сдержанность, недоверчивость к людям, а также весьма противоречивые взгляды. От своих учителей великий князь усвоил идеи просвещения и гуманизма, высокие рыцарские идеалы и принципы уважения к человеку, а от отца – пристрастие к строгой дисциплине, военным парадам, тщеславие и некое безволие. Все важные решения принимали за него родители или бабушка – так было и в вопросе выбора ему достойной супруги. Внуку еще не исполнилось и десяти лет, а Екатерина уже поручила своим дипломатам собрать сведения о всех европейских принцессах подходящего возраста. Особенное внимание императрицы привлекли три дочери баденского маркграфа, из которых особенно выделялась третья, Луиза, которая с ранних лет славилась на всю Европу и красотой, и умом. Граф Н.П. Румянцев, чрезвычайный посланник при германском сейме, по поручению Екатерины посетил Карлсруэ – столицу Баденского графства – и отписал императрице: «Madame, принцесса Луиза крепка и развита лучше, чем другие дети ее возраста. Она очень мила, хотя и не абсолютная красавица. Народ ее любит больше чем сестер. Хвалят характер и расценивают ее фигуру и свежесть как надежную гарантию здоровья». Сопровождавший Румянцева граф Е. Комаровский добавил: «Я ничего не видел прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении».

Екатерина осталась довольна полученными сведениями, к тому же графы Баденские славились здоровьем, плодovitостью и отсутствием вредных привычек и были с Романовыми в свойстве: сестра супруги маркграфа Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадская, в крещении Наталья Алексеевна, была первой женой сына Екатерины Павла Петровича. В этом усмотрели промысел Божий, и юную принцессу с матерью и младшей сестрой пригласили в Россию на смотрины.

Третья дочь маркграфа Баденского Луиза-Мария-Августа родилась 13 января 1779 года в маленьком городке Карлсруэ. Девочка была слаба, и врачи опасались за ее жизнь, однако она выжила и уже скоро радовала семью резвостью ума и красотой, выделявшей ее даже в этом, славившемся красивыми женщинами, семействе. У Луизы были правильные, сравнимые с античными статуями, черты лица, роскошные белокурые волосы, огромные голубые глаза, тонкий стан и необыкновенная грациозность и легкость движений. Юную принцессу учили истории, географии, философии, литературе и языкам, в особенности французскому – с соседней Францией у маленького немецкого княжества были давние культурные связи. В тринадцать лет Луиза впервые покинула родную страну – чтобы навсегда обрести новую родину в далекой России.

В Петербург Луиза и ее младшая сестра Фредерика-Доротея прибыли 31 октября 1792 года. Им было тринадцать и одиннадцать лет – конечно, для брака они были слишком молоды, однако императрице не терпелось на них взглянуть. Румянцеву она писала: «Конечно, ввиду возраста принцесс, можно было бы еще отложить года на два приезд их в Россию, но я думаю, что, прибыв сюда ныне же, в самом этом возрасте, та или другая скорее привыкнет к стране, в которой ей предназначено провести остальную свою жизнь... Вы скажете, что я охотно принимаю на себя окончание их воспитания и устройство участи обеих. Склонность моего внука Александра будет руководить его выбором; ту, которая за выбором останется, я своевременно пристрою». Кроме того, в деле была замешана и политика: женатого великого князя народ воспринял бы уже как взрослого, следовательно, его с меньшими трудностями можно было бы короновать в обход отца.

На российскую императрицу и весь русский двор Луиза произвела самое хорошее впечатление. Императрица писала: «Эта старшая показалась всем, видевшим ее, очаровательным ребенком или, скорее, очаровательной молодой девушкой: я знаю, что дорогой она всех пле-

нила... Из этого я вывожу заключение, что наш молодой человек будет очень разборчив, если она не победит его...». По словам статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого, «никто при виде ее не мог устоять перед ее обаянием». Графиня Головина, ставшая в дальнейшем близкой подругой принцессы Луизы, писала в своих воспоминаниях: «Мне бросились в глаза прелесть и грация принцессы Луизы; такое впечатление она произвела и на всех, которые видели ее до меня... Принцесса Луиза, соединяла невыразимую прелесть и грацию со сдержанностью и тактичностью... Ее ум, мягкий и тонкий, с крайней быстротой схватывал все, что могло его украсить... В ее разговоре отражалась свежесть ее юности, и к этому она присоединяла большую правильность понятий... У нее восхитительная талия, пепельно-серые волосы, спадающие локонами на шею, молочно-белая кожа, розовые щеки и очень приятно очерченный рот».

Будущему супругу и его семье Луизу представили через два дня. Юная принцесса сразу же очаровала Павла и его супругу, которая отзывалась о будущей невестке так: «Она не только хороша собой, но во всей ее фигуре есть особая привлекательность, которая способна возбудить любовь к ней. Она чарует обходительностью и чистосердечием». Впрочем, Александр и Луиза в первую встречу едва осмелились сказать друг другу пару слов, но уже скоро все замечали, с каким пылом будущие супруги смотрели друг на друга. Уже через неделю после знакомства, 9 ноября, Александр пишет матери: «*La princesse Louise est tout a fait charmante*» (принцесса Луиза, безусловно, очаровательна). В свою очередь, Александр Павлович, который первоначально, по словам Луизы «не показался мне таким красивым, как мне его описали», впоследствии произвел сильное впечатление на юную принцессу: Александр был «наделен природным изяществом в высшей степени. Он высок ростом, строен, широкоплеч, у него легкая походка, благородные, правильные и нежные черты лица, гладко причесанные светло-каштановые волосы, глубоко сидящие голубые глаза и чарующая улыбка.

Акварель по портрету М.-Л.-Е. Виже-Лебрэн, 1795 г.

От лица его веет силой и грацией, радушием и таинственностью». Юная пара проводила много времени вместе, гуляя и беседуя на возвышенные, как тогда полагалось, темы – впрочем, под бдительным присмотром свиты. Александр писал Луизе: «Мой милый друг. Я буду Вас любить всю жизнь», и в ответ получал: «Я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить Вас всю мою жизнь. Вы составите счастье моей жизни, если будете меня любить всегда, я не могу жить без вашей дружбы. Ваша преданнейшая и покорнейшая суженая Луиза». Мария Федо-

ровна, мать Александра, в письме к Екатерине сообщала: «Господин Александр, во вчерашнем своем письме, пишет нам, что с «каждым днем прелестная Луиза все более и более ему нравится; в ней есть особенная кротость и скромность, которые чаруют, и что надобно быть каменным, чтобы не любить ее». Таковы подлинные выражения моего сына, и потому осмеливаюсь признаться вам, дражайшая матушка, что я сужу об удовольствии, которое доставит вам это признание, по тому удовольствию, которое оно мне доставило... Наш молодой человек начинает чувствовать истинную привязанность и сознает всю цену того дара, который вы ему предназначаете».

Екатерина не планировала поженить Александра и Луизу сразу: слишком молоды они были. Предполагалось, что Луиза поживет при русском дворе, усвоит его обычаи, выучит русский язык, поближе познакомится с будущим супругом и, только достигнув возраста, выйдет замуж. Однако замеченная всеми взаимная любовь двух подростков подвигла Екатерину не тянуть с обручением и свадьбой. Вот что вспоминала Елизавета: «Однажды вечером, спустя примерно шесть недель после нашего приезда, за круглым столом в Бриллиантовой комнате, где мы рисовали вместе с остальным обществом, Александр потихоньку от других сунул мне только что написанную им записку с объяснением. Он писал, что имел разрешение своих родителей сказать мне, что меня любит, и спрашивает, могу ли я ответить на его чувство и может ли он надеяться, что я буду счастлива, выйдя за него замуж. Я, тоже на клочке бумаги, ответила ему утвердительно, прибавив, что исполню желание родителей, приславших меня сюда. С этого момента на нас стали смотреть как на жениха и невесту и мне дали учителя русского языка и Закона Божия».

9 мая 1793 года Луизу обратили в православие под именем Елизаветы Алексеевны: «Принцесса, посреди дворцовой церкви, громко произнесла символ веры. Она была хороша собою, как ангел, одета в розовое платье, вышитое большими белыми розами, с белой юбкой, вышитой таким же образом розовыми цветами; ни одного бриллианта в распущенных русых волосах. Это была Психея! Великий князь был одет в костюм из серебряной парчи, вышитый серебром. Принцесса была наречена именем Елисаветы, в память императрицы, избравшей Екатерину...» – писал Ф.Г. Головкин. На следующий день Луизу и Александра обручили: «Все говорили, что обручают двух ангелов. Ничего нельзя вообразить прелестнее этого 15-летнего жениха и 14-летней невесты; притом, они очень любят друг друга. Тотчас после обручения принцессы она получила титул великой княжны», – с гордостью писала Екатерина. Еще через четыре месяца, 28 сентября 1793 года, их обвенчали. «В церкви Зимнего дворца сделали возвышение, чтобы церемония брака была видна всем. Как только жених и невеста вошли туда, их вид вызвал всеобщее умиление. Они были прекрасны, как ангелы» – так описывал это событие шведский посол. А Екатерина позднее писала барону Гримму: «Эта пара прекрасна, как ясный день, в ней пропасть очарования и ума... Это сама Психея, соединившаяся с любовью».

М.-Л.-Е. Виже-Лебрен. Портрет Великой княгини Елизаветы Алексеевны

После свадьбы Александр и Елизавета закружились в вихре приемов, игр и удовольствий, полностью соответствующих возрасту этой семейной пары: бегали наперегонки, лазали в окна, объедались сладостями, танцевали и охотились. Уже в первые дни стало понятно, что Елизавета обожает Александра: «Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не это», – писала она в письме. Сам великий князь к жене относился с любовью, нежностью, уважением – но любовь и ува-

жение были братские, а не супружеские. Он снова попал в капкан собственного воспитания: насмотревшись на вольные нравы при дворе Екатерины и впитав строгость поведения при дворе отца, Александр, физически развитый и даже сексуально просвещенный (стараниями Екатерины, поручившей это деликатное дело одной из своих фрейлин) не мог относиться к своей жене, чистой и неиспорченной девушке, действительно похожей на ангела, как к сексуальному объекту. Впоследствии это причинит супругам немало горя; пока же они были вполне счастливы, упиваясь своими невинными чувствами.

Однако не все, кто любовался красавицей Елизаветой, испытывал к ней чувства столь же невинные. Платон Зубов, последний фаворит Екатерины, прославившийся своей красотой и наглостью, влюбился в молоденькую великую княжну и буквально не давал ей прохода, чем весьма ей досаждал. «Вот уже год и несколько месяцев граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, которая воистину ведет себя, как ангел», – жаловался Александр графу В.П. Кочубею. Когда известие об увлечении Зубова дошла до императрицы, та строжайше отчитала его и впредь запретила преследовать Елизавету своими признаниями. Зубову пришлось отступить.

Однако он был не единственным, кого покорила Елизавета. В то время в Петербурге находились – в качестве почетных заложников после раздела Польши – молодые князья Адам и Константин Чарторыйские. Адам, свободолюбивый, прекрасно образованный, быстро стал одним из ближайших друзей Александра и страстным поклонником его красавицы-жены. Поначалу она избегала его; но поскольку Александр часто с ним виделся и даже, словно специально, оставлял Елизавету и Адама наедине, ей волей-неволей приходилось с ним общаться, и Адам довольно скоро завоевал ее расположение. Остроумный и преданный, красавец того типа, который лет через десять назовут «байроническим», он не мог не пробуждать в женских душах сочувствие своим страданиям, а следом – и любовь. Биограф Елизаветы великий князь Николай Михайлович уверен, что грани допустимого Елизавета и Адам не перешли; однако молва упорно говорила об их страстном романе, который, по мнению одних, был спровоцирован самим Александром из дружеских чувств к Адаму, а по другим – чтобы жена не мешала ему самому волочиться за женщинами, к чему он вскоре после свадьбы стал большим охотник.

Адам Чарторыйский

Вскоре после свадьбы Александр совершенно прекратил занятия со своим наставником Лагарпом, а его супруга, наоборот, занялась самообразованием, почувствовав явные пробелы в знаниях. Занятия были настолько усердными, что даже знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова, стоявшая во главе двух российских академий и отличавшаяся острым языком и категоричностью суждений, необыкновенно тепло отзывалась о Елизавете: «Меня привлекали к ней ум, образование, скромность, приветливость и такт, соединенный с редкой для такой молодой женщины осторожностью. Она уже правильно говорила по-русски, без малейшего иностранного акцента».

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая, и на престол взошел ее сын, император Павел I. Для ставшего наследником Александра и его супруги начались совсем другие времена: Павел требовал неукоснительной дисциплины, строгого следования этикету – в письме к матери Елизавета жаловалась, что новая императрица Мария Федоровна требует, чтобы она носила придворный туалет и драгоценности весь день. Свекровь явно мстила невестке за то, что ее любила покойная императрица, и откровенно третировала юную великую княгиню. Первым звоночком был случай перед коронацией, когда Мария Федоровна грубо сорвала букет роз, которым Елизавета украсила корсаж своего платья, а летом 1797 года их отношения совсем испортились. Дело в том, что шведский король попросил руки сестры Елизаветы – той самой Фредерики, которая когда-то вместе с нею прибыла к русскому двору, а ведь только год назад король был обручен с великой княжной Александрой Павловной! Был уже составлен брачный контракт, но брак так и не состоялся из-за противоречий в вопросе религии будущей королевы и происков антирусской партии при шведском дворе. Конечно, Елизавета была ни при чем; однако ее свекрови было все равно. Жизнь юной княгини, по словам графини Головиной, превратилась «в тяжелый долгий сон, который она боялась признать действительностью. Каждую минуту встречала она противоречие и чувствовала себя нравственно оскорбленной. От этого увеличилась ее гордость. Она старалась по возможности удалиться от порядка вещей, который ей не нравился. Она исполняла все обязанности, сопряженные с ее рангом, но в возмещение она создала себе внутренний мир, где воображение имело больше власти, чем рассудок».

Павел оставался милостив к невестке, но это мало что давало. Он требовал, чтобы сын с женой ежедневно бывали в Гатчине, резиденции императора, где обстановка была крайне тяжелой для воспитанной в ласке и свободе Елизаветы. Постоянные протокольные приемы и церемонии плохо действовали на ее слабое здоровье. При новом дворе Елизавету недолюбливали и за сдержанность, и за нелестивость, и особенно за то, что у нее до сих пор не было детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.